

ЕВГЕНИЯ МУРАТОВА
НИКОЛАЙ АКСЁНОВ

The illustration depicts three characters in a city setting during sunset. In the foreground, a young woman with long, wavy blonde hair and blue eyes smiles warmly. She is wearing a light blue button-down shirt under a dark brown jacket. Behind her stand two young men. The man on the left has dark hair and is wearing a light blue shirt and a dark jacket. The man on the right has brown hair and is wearing a dark blue V-neck sweater under a dark jacket. The background shows a city street with a large, ornate building and a warm, golden light from the setting sun. The overall style is realistic and cinematic.

**ЧЁРТОВЫ
КРЕСТЫ**

Николай Аксёнов

Чёртовы кресты

«Автор»

2023

Аксёнов Н.

Чёртовы кресты / Н. Аксёнов — «Автор», 2023

"Мы думаем, что прошлое — это просто. Оно изучено, запротоколировано и внесено в учебники специально обученными людьми. Годы правления монархов, смутные времена, междоусобицы, нашествия кочевых племен и года без лета подробно описаны и подтверждены источниками. И вот мы уже начинаем думать, что неплохо знаем историю. Но дело в том, что история — величина переменная. Однажды она может внезапно развернуться и — оп! — превращается в невозможную легенду, немыслимую и независимую. Следователи Отдела Истории МВД г. Королёва отправляются на поиски ответов на загадки, затерявшиеся в веках. Любопытство и желание узнать свою настоящую историю, какой бы невероятной она ни была, — единственный путь. Только он и ведёт в будущее."

© Аксёнов Н., 2023

© Автор, 2023

Николай Аксёнов

Чёртовы кресты

Посвящается нашему другу

Сергею Степановичу Иванову,

майору Федеральной Межгалактической Службы

Часть первая

Вентилятор поворачивался из стороны в сторону, разгоняя по кабинету сухой воздух и мелкую бумажную пыль. Тимур ещё весной подавал заявку на установку кондиционера, но до их маленького отдела очередь всё никак не доходила.

Оглядев скудную обстановку, Тимур заскучал по полевой работе. Он откинулся в жалобно скрипнувшем кресле и посмотрел на Андрея. Тому, казалось, была нипочём июльская жара. Как сидел с каменным лицом перед монитором, изредка щёлкая мышкой, так и сидит. На столе идеальный порядок. Ничего лишнего. Все скрепочки по цветам разложены, карандаши отточены, документы рассортированы по датам и промаркированы цветными стикерами. Зелёные – девятнадцатый, синие – восемнадцатый, кричаще-розовые – от девятого и раньше.

Что ни говори, а с напарником повезло. Тим совершенно случайно узнал, что в лаборатории появился новый сотрудник с редкими талантами: Андрей обладал практически феноменальной памятью, удивительно развитой способностью к аналитике и гибкостью мышления. Не для лабораторных белохалатников такой сотрудник, он в отделе истории больше нужен. И Тимур попросил перевести его к себе. Объяснил, рассказал, обосновал. Мол, человек с такой памятью ему, Тимуру Иванову, следователю отдела истории, нужнее. Да и какой отдел из одного человека? Два – уже разговор. Как ни странно, а пошли навстречу, дали добро и перевод. Даже зарплату Тимуру чуть-чуть подняли. Чтоб отличие было у старшего сотрудника от младшего.

– Что пишут? – поинтересовался Тимур. Знал уже: если Андрей вдруг застывал перед монитором с выражением крайней сосредоточенности на лице – точно что-то откопал.

– Интересное пишут, Тимур Сергеевич, – не отрывая взгляда от экрана, ответил Андрей. – Про село Батыево слышал?

Тимур не стал удивляться. Работа в отделе истории не предполагала такой функции. И к излишним эмоциям тоже не располагала. Разгадывать тайны истории нужно с холодной головой и трезвыми ногами. Или наоборот, точно Тим не помнил. Главное, что он усвоил за два месяца работы с Андреем Ветринским – слишком сильно переживать за коллегу не стоит. Если уж он чего решил, то выпьет это обязательно. Спиртным Андрей не злоупотреблял, а вот в работу уходил, как в запой, – со всеми потрохами. И, как заядлый алкоголик, ташил за собой в пучину всех.

– Ты про кресты? – проявил осведомлённость Тим.

– Про них, да. Знаешь, наверное, что там захоронение крупное есть?

– Ну как знаю... Слышал, но сам не бывал, – Тимур весь как будто подобрался, вспоминая, как давно не был в полях.

С мая месяца, вот как поставили руководить отделом из самого себя, так и сидел в кабинете, бумажки перебирал. А потом перевод Андрея, а там и июнь пролетел незаметно.

– Вот и я подумал, что история занятная. Может, съездим?

– Прямо сейчас?

– Зачем? Завтра заявку подадим, документы получим, а в понедельник можно и ехать.

Тимур прикинул. Если сегодня среда и заявку рассмотрят завтра, то в пятницу уж точно одобрят. Вполне может получиться. Он кивнул и принялся составлять запрос по форме. Бюрократия или нет, а порядок есть порядок. Правила для всех одинаковы, будь ты оперативник, следователь СК или ОИ. Отдела истории, в смысле.

День прошёл спокойно. Ровно в восемнадцать ноль одну, попрощавшись с напарником, Тимур закрыл кабинет и вышел из здания управления. Душная дневная жара уступила место приятному вечернему теплу. До дома идти было недалеко, и Тим, купив в ларьке эскимо в серебристой обёртке, неторопливо пошёл, составляя в голове план на завтрашний день.

«Заявку утром Колокольчику унесу. И шоколадку Нине Васильевне не забыть бы. Чтобы не потеряла документик, – думал Тимур, идя по тенистой липовой аллее. – Очень уж хочется что-нибудь накопать интересное. Надоело в конторе до одури».

К остановке подъехал пятнадцатый автобус. Почти пустой и почти до дома. Тимур выкинул палочку от эскимо в урну и запрыгнул на заднюю площадку. Прогулка прогулкой, а завтра рабочий день, и следовало выспаться.

* * *

Жил Тимур один. Снимал небольшую однушку на окраине Королёва. Работал в Управлении МВД – попал сюда по распределению после академии. И сразу в начальники отдела. За какие выдающиеся качества и по чьей протекции детдомовца, а значит – без папы-генерала, и далеко не отличника строевой и политической подготовки вдруг так выделили, Тимур не знал. Сперва, конечно, переживал. Ждал, что в новом коллективе будут завидовать, но новообразованный отдел истории никого, казалось, не интересовал. Тимура даже жалели, несмотря на отдельный кабинет. Нина Васильевна из делопроизводства пару раз угощала пирожками и почему-то называла «мальчик мой». А коллеги-следователи по уголовным делам, только нормальным, современным, а не покрытым вековой пылью, даже заходили иногда посоветоваться по всевозможным околоисторическим вопросам. Несли на предварительную экспертизу, как они это называли, древности от скупщиков. И если Тимур говорил, что вещь действительно стоящая, а не новодел фуфловый, тогда уже и за официальной экспертизой обращались.

Тимур не был против. Всё равно горящих дел у него не было, процента раскрываемости с него никто не требовал. Да и вообще ничего не требовал. Начальство довольно туманно сформулировало задачи отдела, но обещало много интересных дел в будущем. Или в прошлом – это ведь как на эти дела посмотреть.

А началось всё с «консервов». Не с обычных, в жестяных банках, конечно, а с дела под названием «Консервы».

* * *

– Какой такой следователь? Какой отдел? Какая альтернативная история? Вы там совсем уже того? Кукушечек ваших разлетевшихся кто ловить будет? А, всем отделом? Ну так ловите

и не морочьте нормальным историкам головы! Безобразие! Я на вас жалобу... Я на вас всех культурологов спущу. Я на вас чёрных археологов натравлю! – немолодой профессор негодовал.

До пенсии оставалось совсем ничего, продержаться бы на кафедре и уйти с почётом. Так нет, принесла нелёгкая.

– Федот Константиныч, ну что вы, в самом деле? Мы же не в кабинет вас повесткой вызвали. Нам бы просто поговорить, – Тимур, следователь отдела истории, устало улыбался.

Он уже полчаса выслушивал, что их работа – это большой бред и самодурство власть предержащих.

– Кормитесь за наш счёт, раздуваетесь, упыри! Какие могут быть преступления в истории? Кому всё это надо-то теперь, а? Рамзес вам заявление написал? Или, может, библиотекарь Ивана Грозного свидетелем выступает? Тьфу! – слюна брызнула и повисла на седых усах профессора исторических наук. – Лженаукой занимаетесь! У вас образование-то какое, а? Вы что, молодой человек, закончили, чтоб вот так ко мне вваливаться и задавать идиотские провокационные вопросы?

– Академию МВД я закончил. А на вопросы мои вы уж постарайтесь ответить развернуто, иначе к вам приду не я, а ОБЭП. И поинтересуется на предмет прошлогоднего гранта на исследования катакомб в Царицыно и вашей новой дачи в Подмоскovie, вот им вы и расскажете свои настоящие истории, не альтернативные, – Тимур достал диктофон и включил запись.

Кажется, аргумент убедил профессора, он был готов отвечать.

– Итак, Федот Константиныч, скажите, где все документы по строительству Московского метрополитена?

Плечи профессора опустились, седые усы уже не топорщились.

– Я знал, что рано или поздно вы придёте. Не вы, конечно, лично. Но кого-то эти бумаги точно заинтересуют. Когда в августе девяносто первого пришла директива уничтожить всю секретную документацию, я взял грех на душу. Думал, продам потом, хоть за сколько. Время-то какое было. Но вы не помните, наверное.

– Продолжайте, пожалуйста, – поторопил Тим профессора.

– Из документов у нас хранилась одна коробка, я сразу понял, что содержимое её мало чего стоит. Там были какие-то совершенно фантастические цифры. Даже я, гуманитарий, понимал, что всё подделка. Но коробку сохранил.

– Не продали?

– Да кому она нужна? – профессор тяжело поднялся, прошёл к книжному шкафу, потянул за какие-то золочёные корешки – кажется, это была «Всемирная история» под редакцией Чубарьяна.

Шкаф нехотя отъехал, открывая маленькую нишу. Внутри стояла небольшая пыльная коробка.

– Забирайте. Но я вам точно говорю: всё, что внутри, – ложь. А правду никто никогда не узнает. Мне уже и не нужно, я старый. Мне бы на дачу, у меня там капуста и парник с перцами. Вы любите перцы? – профессор подтащил коробку к столу.

– Люблю, Федот Константиныч. Спасибо за помощь следствию. Думаю, вас уже никто не побеспокоит. – Тимур отключил диктофон.

– Эх, гранты эти, дачи. Да какие дачи? Курятник на четырёх сотках на границе с Владимирской областью. Быстрее бы пенсия, уйду не раздумывая. Историк из меня бумажный вышел – с института в поле не выезжал. На раскопки Аркаима не поехал, по статусу не положено. Неисторично это, не соответствует официальной теории. Эх... Может, вы вот... Может, вы сможете. Не в Аркаим, а вообще... Всё, – профессор проводил следователя до выхода из кабинета и тихо прикрыл за ним дверь.

Коробка оказалась лёгкой, но нести её всё равно было неудобно. Кое-как дотащив ценный груз до отдела, Тим с нетерпением стал разбирать пожелтевшие бумажки.

– Да, спасибо за правду, Федот Константиныч. Действительно, сплошной фейк, – Тим вдыхал пыль и вчитывался в буквы, отпечатанные на машинке.

Кое-где попадались рукописные документы и чёрно-белые размытые фото. Ни одного негатива, ни одного проектного документа.

Как и положено, Тимур завёл дело, аккуратно подшил материалы, а ценную коробку сдал на хранение, до лучших времён. Тимур понимал, что один он эти «Консервы» не осилит.

И дел, которыми было бы неплохо заняться, но не хватало рук, накопилось немало.

Прямо сейчас, когда отдел истории усилили Андреем, нужно бы выбрать хоть какую-то, пусть самую завалющую, историческую тайну и обязательно раскрыть. За тайны Атлантиды очень попросили не браться пока. Начальник управления, полковник Глокеншпиль, кажется, сам не до конца понимал, что за отдел такой странный организован при его управлении и зачем. Но к Тиму и Андрею относился по-отечески тепло, по мелочам не придирился, старался поощрять сотрудников и инициативы приветствовал. Дело села Батыево и его тайны вилочковых крестов подходили как нельзя лучше. Осталось дожидаться разрешения – и в поля!

* * *

Выходные у Тимура проходили не как у обычных людей. Сотрудник отдела истории не любил долго спать. Поэтому просыпался довольно рано для человека в его законный выходной. Подъём в семь утра, зарядка и пробежка вокруг дома. Вне зависимости от погоды – зарядка и бег ежедневно. Потом душ и лёгкий завтрак.

Кофе, яичница и новости из соцсетей. И, признавая правоту профессора Преображенского, никакой политики и криминала. Исключительно культурные мероприятия. Заодно можно выбрать, чем заняться в свободное время. Если погода была подходящая, как сейчас, Тимур предпочитал исследовать. Выбирал необычную экскурсию по крышам или подвалам старинных особняков, или просто гулял, словно бы без цели, но на самом деле изучая и подмечая интересные мелочи и нестыковки. Тут окна в землю ушли аж до второго этажа, там – барельеф интересный на портике. Так и бродил: брал с собой термос крепкого чая, бутерброды и отправлялся в поход.

Зимой или осенью, когда прогулки превращались в бесконечные перебежки из сухого места в тёплое, Тимур ходил в музеи и на выставки. В конце концов, *noblesse oblige*. И пусть сейчас в его распоряжении был всезнающий Андрей, про саморазвитие Тимур не забывал.

Сегодня же, сложив в небольшой рюкзак набор выживальщика, термос и перекус, Тимур решил податься в леса. Никаких экскурсий на сегодня он не нашёл, поэтому поставил себе задачу – пройти Лосиноостровский парк насквозь до Москвы, обходя стороной любые тро-

пинки и дороги. Интересно? Ещё как! Полезно? Определённо. В жизни может пригодиться. Кто знает, куда его занесёт в поисках истины.

Лес оглушал буйством оттенков зелёного. Тимур проверил липучки на кроссовках и вошёл в чашу, отойдя от дороги буквально на десяток шагов. Направление он себе задал сразу, а дальше компас подскажет. Главное – идти на юго-запад. Остальное неважно. И вдруг подумал, что никогда не спрашивал у Андрея, чем тот занимается в выходные.

* * *

Андрей спал. Пятидневная рабочая неделя давала о себе знать. Поэтому в выходные он обычно отсыпался. Вставал ближе к обеду, принимал ванну, пил кофе, весь этот ленивый и неторопливый процесс фоном сопровождал лёгкий рок-н-ролл середины семидесятых. Любил Андрей такую музыку.

Во второй половине дня Андрей выползал на улицу. Шёл в магазин и придумывал себе вкусный ужин. Это в будни после работы можно по-быстрому пельменями закинуться перед монитором, выискивая тайны, загадки и разгадки. А в выходные стоит позволить себе расслабиться. Он даже книги не читал в эти два дня, делая перезагрузку мозгу.

Лёжа на диване, потягивая холодное тёмное пиво, Андрей смотрел очередной сериал. «Интересно, – подумал он, – а чем сейчас Тимур Сергеич занят?»

* * *

– Это было непросто, – выдохнул Тимур, выбравшись через бурелом на окраину Лосиноостровского леса. – Теперь можно и домой двигаться.

Он включил телефон, про себя отметив, что никто ему не писал и не звонил. Может, и не стоило выключать каждый раз? Но ему хотелось полного погружения и отстранения от внешнего мира.

Через приложение определил, где ближайшая остановка, и зашагал к ней по траве между широкой трассой и лесом. Старенький пригородный автобус за десять минут домчал его до какой-то совсем уж глухой остановки. А там Тим пересел на маршрут до Королёва. Сидя на широком заднем сидении почти пустого автобуса, Тимур прикидывал планы на завтра. В первую очередь уборка, стирку ещё нужно закинуть, да и прочие дела по мелочи успеть сделать. Если Батыево одобрят, то неизвестно, на сколько они там задержатся. Стоило подготовиться. И только оказавшись дома, понял, как сильно устал.

Приняв контрастный душ, Тимур по-быстрому перекусил и упал спать. Снились ему огромные каменные плиты, украшенные хитрой резьбой. Рядом стоял Андрей и что-то рассказывал, но не Тимур, а кому-то третьему. Точнее, третьей. Тимур знал, что позади него кто-то стоит и внимательно слушает Андрея. И этот кто-то – девушка. Но когда обернулся, чтобы посмотреть, позвонил Глокеншпиль.

– Колокольчик зовёт смотреть на вилочки, – засмеялся Андрей, и Тимур проснулся. Часы на телефоне показывали шесть утра.

* * *

В понедельник на КПП Тимур и Андрей подошли одновременно. Поздоровались, пожав руки.

– Тимур Сергеевич, как думаешь, одобрили нам заявку?

– А чего гадать, Андрюха? – усмехнулся Тимур. – Сейчас всё узнаем. Ты почтой займись, а я наверх, за информацией.

– Есть! – шуточно отозвался напарник, и они вошли в здание управления.

Оставив Андрея в кабинете, Тимур поднялся к Глокеншпилю. Нина Васильевна улыбнулась ему как родному и нажала кнопку коммутатора.

– Вадим Семёнович, к вам Иванов.

– Пусть заходит!

– Спасибо, – улыбнулся женщине Тимур и вошёл в кабинет.

Кабинет начальника управления не отличался аскетичностью, но и роскошным его нельзя было назвать. Подбранная со вкусом мебель, несгораемый сейф, фотографии на стенах. Вот Вадим Семёнович жмёт руку одному президенту России. Потом второму. Потом снова первому. Несколько общих фотографий с сотрудниками управления. Даже одна фотка с ним, Тимуром – в день открытия отдела истории.

– В Батыево, значит, собрались? – прогудел в густые прокуренные усы начальник управления. – Дело хорошее, одобряю. Да и засиделись вы в кабинетах. Рвётесь в поле, понимаю. Погода стоит такая, что сам бы с вами рванул, но дела.

– Спасибо, Вадим Семёнович. Когда нам выезжать?

– А прямо сейчас и поедете. Ждать её, наверное, нет смысла...

– Кого?

– Да, – махнул рукой Вадим Семёнович и неопределённо потыкал пальцем в потолок.

В кабинет Тимур не вошёл, а прямо-таки ворвался, как тот самый Батый – старший среди чингизидов. Андрей вскочил было спросить, что случилось, но сразу понял всё без слов:

– Одобрили! Одобрили! Едем-едем-едем!

– Быстро всю документацию по крестам с собой – и вниз. Там машина. Я закрою тут всё.

Старенькая «Нива» звякнула чем-то металлическим внутри, когда Тимур вырулил с федеральной трассы на просёлочную дорогу.

– Погоди, а чего ты не взял ничего по крестам?

– Я взял себя. А большего тебе, Тимур Сергеевич, и не нужно, – Андрей самодовольно улыбнулся.

Тимур только хмыкнул, но спорить не стал. Что ни говори, а голова у Андрея – дом советов, не меньше.

– Ну-с, что тут у нас?

«Нива» въехала в село по разбитому мостику через неширокую речушку. Село как село. Ничем не отличается от сотен таких же по всей России.

На единственной улице, тянувшейся до самого кладбища, им не встретилось ни единого человека. Небось сидят по домам в теньке, в такую-то жару. Тимур глянул на термометр – почти тридцать два градуса. Ну ничего, сам хотел выбраться. Всё лучше, чем бумажки в кабинете перебирать.

* * *

– Это точка роста? – почему-то прошептал Андрей.

– Она самая, да. Полнейшая задница, – Тимур сладко потянулся и поудобнее уселся на каменной плите, затейливо украшенной какой-то старинной вязью.

В подвале было тепло, сухо и даже как-то уютно, несмотря на то, что весь он был завален могильными плитами.

По крайней мере, такими их считали Тимур и Андрей.

Они и забрались-то сюда, под разрушенный храм в полувымершем Батыево, чтобы своими глазами посмотреть на склад плит с вилочковыми крестами. До этого момента такие камни находили прочно вмурованными в фундаменты и лестницы, откуда достать их не представлялось возможным. Не выковыривать же кусок стены древнего восьмерика на четверике? Кто бы такое согласовал? Да и бюджетов на подобные следственные действия выбить уж точно не получилось бы. Дела как такового нет. Сплошные догадки и домыслы.

Правда, редкие экземпляры ещё были раскиданы по храмам в качестве экспонатов, вроде как иллюстрирующих богатое культурное наследие предков, но изъять и изучить их никто бы не разрешил. Их и фотографировать-то не везде можно, что уж говорить о том, чтобы вывезти в лабораторию стокилограммовую дуру. А тут такой подарок!

Андрею какая-то его осведомительская птичка принесла на хвосте, что есть целый подвал, заваленный артефактами в приличном состоянии. Не битые и не лопнувшие, почти не истёршиеся, в отличие от тех, которые служили ступенями и вкладками в фундаменты храмов.

Изучай – не хочу!

И вот. Приехали. Они на месте. Хотя ездой эти несколько часов пути назвать было никак нельзя. Дорога к деревеньке была в таком состоянии, словно её не ремонтировали со времён Ивана Грозного. Что, возможно, не так уж далеко от истины. Где только не потоптался этот славный исторический персонаж, может, и тут бывал.

Смущало только название. Батыево – не вот чтобы такой уж славянский топоним. И не финно-угорский. А скорее именно что монгольский или татарский. Кто их разберёт без образования-то. И в эту сторону коллеги пока не думали, будет ещё время – начальство обещало усилить отдел настоящим филологом. Обещая, начальство загадочно улыбалось в усы и подмурлыкивало, что давало надежду на то, что филолог окажется филологиней. А беря во внимание довольно скромные зарплаты в отделе – довольно юной. И если уж совсем мечтать, то наверняка и красивой.

А сейчас они сидели в подвале. Нет, сначала, когда доскакали, пробрались через заросли пожухшего борщевика в действительно почти разрушенный храм с обвалившимся внутрь куполом. Потом долго и методично разгребали завал на полу в районе предполагаемого алтаря. Конечно, никакого алтаря давно не было. Всё ценное растащили бог его знает когда.

А вот пол удивил! Шикарные металлические плиты с изящным растительным орнаментом, судя по всему железные, а значит, не советского периода, покрывали всё пространство внутри почти осыпавшихся стен. Плитка гулко зазвенела, когда Тимур постучал по ней фонариком.

– Будем вскрывать, – не то спросил, не то сообщил следователь.

Андрей молча кивнул, быстро вернулся к машине и принес сапёрную лопатку, фомку и домкрат. Тимур уважительно посмотрел на набор, и работа закипела.

С трудом сумели поднять десять плиток. Хоть и небольшие, примерно пятьдесят на пятьдесят сантиметров, весили они прилично. Но никакого входа вниз так и не обнаружили. Везде под снятым полом был только ровненько уложенный белый камень.

– На яичном растворе, – Андрей уважительно поковырял шов в полу.

– Да хоть на бетоне времён Аменхотепа, – хмыкнул Тимур. – Нам бы ход найти. А мы тут не пойми чем занимаемся с тобой. Сплошные погрузочно-разгрузочные работы и никакой истории. Ни альтернативной, ни официальной. Тебе твой осведомитель ориентиров не давал? Где спуск в подвал-то?

– Что-то он рассказывал про то, что в этом четверике то место, где совершались всякие обряды, находилось точно на пересечении между входами.

Коллеги осмотрелись. Следы огромных арок чётко угадывались в полуобвалившихся стенах. Видимо, когда-то четыре огромные двери вели в храм.

– По центру, что ли? – уточнил Тимур. – Странно. Не было никогда алтарей по центру. Всегда у восточной стены должны бы быть.

– Так дед тот про алтарь и не говорил ничего. Говорил про место, – уточнил Андрей.

– Что-то тут непонятное, Андрюх, – Тимур пролез в центр, пробираясь через залежи кирпича, камня и тухлявых балок.

– Я так понимаю, опять разбираем завалы? – Андрей невесело усмехнулся, с неудовольствием рассматривая только что снятые строительные перчатки.

– А есть варианты? – Тимур уже подхватил какую-то деревянную бандуру и потащил к стене. – Будем искать. Следователи мы или где?

– Резонно, – Андрей тоже подхватил пару огромных, не чета современным, кирпичей. На одном было видно какое-то клеймо, этот кирпич Андрей кидать не стал, а аккуратно отложил в сторонку.

Расчистив от мусора пару квадратных метров, коллеги обнаружили искомое. Плита, лежавшая точно по центру, была больше остальных. И звенела как-то иначе, звонче и ярче. По краям на ней были изображены не листочки-веточки, а какие-то животные. То ли львы с крыльями, то ли зиланты без хвостов, а может, и грифоны. И сразу было понятно, что это тот самый лаз. К плите был приклёпаны длинные, чуть проржавевшие засовы – крест-накрест. Они крепко сидели в четырёх пазах на соседних плитах. Система, ты смотри-ка!

Андрюха снова сгонял в машину, на этот раз за вэдэшкой. Засовы поворачали железом по железу, нехотя отодвигаясь, но поддались.

– Поднимаем, Андрюх, – велел запыхавшийся Тимур. – Нечего тянуть, смеркается, смотри.

Вечер действительно подкрался незаметно. Стало прохладно, на ветру затрепетал сухой борщевик, по полу заструились тонкие струйки пыли. Тянуть не стоило. Ночью в заброшенном храме делать было нечего.

И они подняли.

Лаз в подвал открылся сразу под плитой. Но оттуда, вопреки ожиданиям, не пахнуло ни сыростью, ни затхлостью. А как будто повеяло летним теплом и даже запахло как-то домашнему – сухими травами и разогретым деревом.

Вниз вели добротные каменные ступени без перил, пол в темноте рассмотреть не получалось. Видимо, подвал был глубокий.

– Идём? – кивнул в сторону прохода Андрей.

– А то как же, – отозвался Тимур и зажёг фонарик.

Подвал действительно оказался глубокий, метров восемь, а то и все десять. По сухому земляному полу были аккуратно разложены белые каменные плиты с узорчатой резьбой. Свет фонарика не доставал до стен подземелья. А значит, тянулось оно далеко за пределы полумёртвого разрушенного четверика. Дела...

Белокаменная плита

– А это не литьё, Тимур Сергеич? – уточнил Андрей.

– А кто ж его знает, Андрюх. У них не спросишь уже, – Тим мазнул фонариком по надписям. На плитах вроде бы угадывались знакомые буквы кириллицы, но в понятные слова не складывались. Темно. И в смысле света фонариков, и в историческом. Тьма египетская, а не история.

У одной из плит задержались, рассматривая орнамент: удивительной красоты то ли кельтский крест, то ли стилизованная прялка, то ли кто его знает, что тут изображено. Ни слов, ни букв, ни цифр или дат смерти на камне не было. Так с первого взгляда и не поймёшь, а точно ли могильная плита? А где тогда православный крест и всё то, что должно указывать на могилах? Имя раба божьего, сословие, годы жизни. Ничего такого не было. Будто бы просто декоративная накладка, из тех, которыми украшали фасады. Только что-то уж больно большая, почти полтора метра в длину.

А потом раздался скрежещущий звук. Тимур и Андрей только переглянулись. Оба сразу поняли, что лаз закрыт. Той самой огромной металлической плиткой, которую они ещё час назад, кряхтя и поднатуживаясь, еле-еле сдвинули с места и поставили на попа рядышком. Упала, что ли? И вдруг ещё один звук – с лязгом задвинулся один засов, а потом второй.

* * *

– Это точка роста? – почему-то прошептал Андрей.

– Она самая, да. Полнейшая задница, – Тимур сладко потянулся и поудобнее уселся на надгробии.

– Тут должен белый кролик пробежать, а мы за ним, что ли? – Андрей плюхнулся на могильную плиту рядом с начальством.

Связи в подвале не было, конечно же. Ни сотовой, ни интернета. Подземелье всё же – никакой пять джи не пробьётся. Но, по правде говоря, мало ли на просторах нашей необъятной мест, где нет связи? Да дополна! Стоит только выбраться в недалёкое Замкадьё да свернуть на просёлочную дорогу – здравствуйте, приехали.

Это только жителям мегаполисов кажется, что вся страна, как паутиной, опутана проводами, а из каждого куста торчит глаз большого брата. И дроны, конечно же, патрулируют неустанно. На практике всё совсем иначе.

– Не, на кролика я не согласен. У меня аллергия на шерсть, – подумав, ответил Тим. – Давай уж как-то своими силами. Осмотримся для начала?

– Это надо вдоль стен идти, я так думаю, – Андрей решительно поднялся, отряхивая пыль со штанин.

– Вот и пошли посмотрим, есть ли тут другой выход. Шкафы, зеркала и светящиеся порталы отмечаем сразу, угу? Мистика и эзотерика как-то не очень вяжутся с текущим положением дел, – Тимур встал и посветил фонариком куда-то вглубь подвала. – По солнышку пойдём? Или как в магазине, против? Тебе как больше нравится?

– Мне-то не принципиально, доверюсь большому начальству, – Андрей шуточно поклонился.

Тимур только хмыкнул и пошёл направо, осторожно обходя белые узорчатые плиты. Андрей молча шёл следом.

Самое важное они вслух обсуждать не стали. Да и зачем? Ответов всё равно нет. Кто и зачем их запер? На сколько хватит батареек в фонарике? Связано ли их внезапное заточение с целью поездки, с этими вот красивыми, изящно выполненными плитами? А если да, то как? А если нет, то кому намылить шею сразу как выберутся?

Наконец, луч фонаря уткнулся в стену, обрисовав размытый круг на белокаменной кладке.

- Ага... – протянул Тимур. – Не земля, камень. Подкоп рыть без вариантов.
- Да и ложек у нас всё равно нет, – поддакнул Андрей. – Кто ж знал?
- Тим не стал поддерживать шутку. Как-то беспокойно вдруг стало, тревожно.

Если их действительно закрыли тут только потому, что они заинтересовались древними могильными плитами с непонятными историкам символами, то ситуация смешной не выглядела. С другой стороны, историки этими надгробиями интересовались мало. Совсем не интересовались, будем честны. Ну лежат и лежат в разных храмах и монастырях такие вот артефакты. Красивое. Непонятное. Исторической и художественной ценности не представляет. Материальной, кстати, тоже. Значит, что-то в них есть такое, неизвестное или даже тайное, что может быть опасным для кого-то, если всплывёт правда. Для кого? И что за правда?

- Вопрос-о-о-ос... – уже вслух протянул Тимур.
- Это да-а-а-а... – словно читая мысли начальства, поддакнул Андрей.
- Кажется, вечер перестал быть томным. И дело, которого ещё час назад не было, нарисовалось. Причём серьёзное такое, на хороший срок тянет, – рассуждал Тимур.
- В историческом разрезе? – уточнил Андрей.
- В уголовном, – мотнул головой Тим. – Если мы отсюда не выберемся, то это сто пятая с отягчающими. И заниматься этим делом будем уже не мы, отдел истории, а совсем другие отделы.
- Не хотелось бы фигурировать в таком качестве, я как-то не привык, что рядом с моей фамилией стоит «потерпевший», – согласился Андрей.
- Потерпевший – это если нам сильно повезёт. Как бы жертвой не стать.

Прикинув перспективы, коллеги быстрым шагом двинулись вдоль стены, всё дальше уходя от лестницы.

В подвале было всё так же сухо и тепло. Плиты – сейчас скрупулёзный Андрей насчитал пятьдесят восемь – были аккуратно разложены по полу. Не рядами, как на кладбище, не в шахматном порядке, а просто на небольшом расстоянии друг от друга. Выглядело это так, будто бы кто-то их сюда втащил, но складывать по какой-то системе уже не стал. Сил не хватило. Просто спрятал от чужих глаз, схоронил до времени.

- Время пришло, – через полчаса возвестил Тимур и плюхнулся на облюбованную в самом начале плиту. Они обошли подвал по кругу и вернулись к лестнице.
- В смысле время паниковать? – уселся рядом Андрей.
- В смысле думать головой, а не ногами. Ноги нам ничего не дали. Проходов нет, проломов нет, тайных ходов, лисьих троп и волшебных шкафов не наблюдается.
- Обычный восьмерик, да, – согласился Андрей. – Только что-то уж очень большой и почему-то под четвериком. Так строили, Тимур Сергеич?
- А вот давай и подумаем. Что мы знаем о том, как и для чего строили храмы и монастыри? Когда их строили? И при чём тут эти вот, – Тим похлопал рукой по белому камню, – штуковины?

– Теорию засыпанных зданий в разрезе потопа восемнадцатого века рассматривать будем? Или сразу ядерную войну того же периода возьмём? – совершенно серьёзно уточнил Андрей.

– У нас с тобой по этим вопросам вводных примерно столько же, сколько шансов выломать изнутри эту дуру, – Тим взглядом указал на тёмный лаз. – Одни догадки. Давай лучше по историческим фактам пойдём.

– А пойдём, – согласился Андрей.

С фактами он обращался виртуозно. Наверное, сказывалась его удивительная способность к аналитике и почти феноменальная память.

– Что мы знаем совершенно точно?

Вопрос Андрей задавал не Тимур, а скорее себе. Набрав побольше воздуха в грудь, он начал:

– Надгробия с узорами в виде стилизованных крестов, будем для удобства называть их так, всегда соседствуют с шатровыми храмами. Где есть восьмерик на четверике – всегда найдётся хоть одна такая вот плита. Внимание, цитировать буду, – Андрей чуть прикрыл глаза, словно бы читал что-то под веками, и продекламировал: – Шатровые храмы были любимыми храмами на Руси в допетровскую эпоху. Они значительно отличались от церковных канонов. Патриарх Никон без всяких церемоний назвал их «бесовскими». В восемнадцатом веке такие храмы окончательно запретили возводить, – он открыл глаза и продолжил: – То есть эти вот храмы были по какой-то причине очень неудобны действующей в тот момент власти. Тимур Сергеич, зафиксируйте вопрос? Почему они так не нравились тогдашним религиозным деятелям?

– Фиксирую, Андрюх, шпась дальше! – Тим внимательно слушал, зная, что уж если его напарник вцепился в дело, то оттащить его невозможно. Он будет висеть на тайне, не разжимая зубов, как бультерьер. Пока не победит. Ну или его не пристрелят. Или он не сдохнет от голода в тёмном подвале среди могильных плит. А вот до этого доводить, конечно, не хотелось бы.

– Есть шпарить! Шатровые храмы, построенные до Никоновской реформы, не направлены алтарём строго на восток, как положено им по канону. Они все смещены чуть севернее. Да и сами алтари зачастую являются поздней пристройкой к основному четырёхстенному зданию. Часто в таких храмах двери находятся во всех четырёх стенах, как в том, где мы сейчас сидим, – Андрей многозначительно указал пальцем вверх. – Теперь по кладбищам, – Андрей театрально обвёл рукой скупо освещённый светом фонарика подвал. – Их нет. В том смысле, что могил старше шестнадцатого века у нас нет. Нет, и всё тут. Разорены и уничтожены. А могильные плиты с вилочковыми крестами использованы как строительный материал для новых храмов. Они вмонтированы в стены, в лестницы. Ими даже выкладывали дорожки в монастырях. Часто такие плиты использовали вторично по прямому назначению – писали на них нужные даты и имена и ставили на новые могилы. Хозяйственный подход, ничего не скажешь.

Андрей перевёл дух и продолжил:

– И самое важное. Древние шатровые храмы часто соседствуют с другими видами храмов. Как будто их ставили рядом для того, чтобы люди разных вероисповеданий ходили каждый в свою церковь. Такое ощущение, что... – Андрей запнулся, подбирая слова.

Но Тимур уже сам догадался:

– Ощущение, что храм, в котором мы с тобой сидим, не такой уж и православный был изначально. Да?

– Да, – шумно выдохнул Андрей.

– И получается, что мы сюда приехали совсем не для того, чтобы получше рассмотреть узоры на могильных плитах. А чтобы что?

– А чтобы узнать, что не всё так гладко у нас с историей про крещение Руси...

– Ага... – Тимур снова задумался.

– Это не подвал, Тимур Сергеич. Это какой-то ящик Пандоры, вот что я скажу, – Андрей сел и подпёр подбородок кулаком на манер роденовского мыслителя. – А раз это знание так тщательно кем-то скрывалось больше тысячи лет, то шансы выбраться отсюда стремятся к нулю. Кто мы в этой партии? Песчинки в масштабах Сахары. Заплутавшая в космосе звёздная пыль, – он вдруг замолчал, подавшись какой-то несвойственной ему философской грусти.

– Нам звездац, – согласился Тимур.

Фонарик в его руке замигал и погас.

– Тимур Сергеич, – сдавленно прошипел Андрей, – мы же с тобой никогда ещё в такую заваруху не попали, мы же всё больше по кабинетам да по запасникам музейным. Как так вдруг вышло-то?

– Растём, Андрюх, в профессиональном смысле. Встали, можно сказать, с дивана и вышли в поле, – хмыкнул Тим.

И вот сидят они, полевые работники, запертые в подвале под заброшенным храмом в какой-то богом забытой деревеньке без связи, а теперь ещё и без света. Можно, конечно, телефоном подсветить. Но, во-первых, смысла нет – ничего особо интересного вокруг не наблюдается, а во-вторых, телефон ещё может пригодиться. Вдруг какая-то заблудившаяся волна всё-таки пробьётся через каменную кладку. Зарядку нужно беречь.

– Ты, Андрюх, не дрейфь. Унывать никак нельзя. Ты ж сообразительный парень. И весёлый, шутки любишь и юмор очень даже понимаешь, – Тимур старался говорить в ту сторону, откуда слышалось дыхание Андрея. Других ориентиров не было, тьма крошечная.

– Сейчас что-то на шутку это всё не очень похоже, – протянул Андрей.

– Не очень, да, – согласно покивал Тим. – Но и упаднические настроения нам совершенно без надобности. Помирать – так с музыкой!

И Тим запел. Пел он, надо сказать, отвратительно. Голос у старшего следователя был отменный, густой, мощный, но вот слух отсутствовал совершенно.

– Ходють ко-о-о-ни да над реко-о-о-ю-ю-ю... – басовито выводил Тимур.

– Ищуть ко-о-о-ни водопо-о-о-ю-ю... – стараясь не морщиться и не скатываться в фальшь, выводил Андрей. У него-то со слухом всё было в порядке.

– О-о-ой, да к речке не иду-у-у-уть... – почти проорали коллеги хором.

– Берег больно кру-у-у-ут, – раздалось вдруг откуда-то из-под земляного пола.

Песня прервалась. Стало тихо. А потом снизу постучали.

Стучали откуда-то из центра подвала, совсем рядом. Интеллигентно так – тук-тук-тук. И очень осторожно.

Тимур залез в карман, достал сберегаемый на крайний случай телефон, включил фонарик и осторожно зашагал на звук. Андрей весь как будто подобрался и двинулся за начальством след в след.

Тук-тук-тук повторилось совсем рядом.

Тим посветил себе под ноги. Под толстым слоем пыли угадывался квадрат то ли крышки, то ли такой же, как наверху, плиты, только без засовов.

– Смотри, Тимур Сергеич, львы по краям! – Андрей разгрёб носком кроссовки присыпанный землёй рисунок.

– Сами вы львы, это грифоны, – раздался снизу девичий голос. – Открывайте уже! Это я, Лика!

– Кто, извините? – очень вежливо поинтересовался Тимур. Грубить незнакомой девушке, даже находящейся ниже его, он не стал. Иначе воспитан был.

– Ну, Лика же! – отозвалась неизвестная.

Железная плита немного искажала звук, делая звонкий голос почти визжащим и немного потусторонним.

– Это как на Кольской сверхглубокой, да? – вдруг произнёс Андрей. – Голоса из оттуда? Нечисть?

Тимур не ответил, только хрустнул шеей. Голос был вполне себе человеческий, живой. Никаких завываний и всего такого, что наводило бы на мысли о призраках и привидениях, не присутствовало. Просто девушка. Стучит в подвал снизу. В подвал, глубиной десять метров.

– Да подцепите её уже, ребят, – требовательно зазвенело из-под плиты.

Тимур с Андреем переглянулись и подцепили.

Когда удалось чуть-чуть сдвинуть железную бандуру, в щель сразу же ударил яркий свет фонаря.

– Тащи её, Андрюх, – прокряхтел Тим.

– Лику эту? – удивлённо уточнил Андрей.

– Сначала железяку, а потом по обстоятельствам, – резонно возразил Тимур.

– Аккуратнее тащите! Эта, как вы выражаетесь, железяка имеет высокую историческую ценность. Точнее, будет иметь, когда мы её отсюда вытащим, – раздалось из лаза. И в проёме показалась светлая кудрявая голова.

Голова приветливо улыбнулась. Следом показали руки, держащие фонарь.

– Ну что ж ты, зараза, мне светишь в лицо, – почти простонал привыкший к темноте Андрей.

– До рассвета как раз пару часов осталось, всё верно, – девушка самостоятельно выбралась и теперь тщательно отряхивала пыль веков со спортивного костюма цвета сухой розы. – Извините, что так долго.

– М-м-м... – промычал Тимур. – А вы кто? Не в смысле имени, а вообще?

– Да, гражданочка, вы как там оказались? – поддакнул Андрей.

Девушка осмотрелась, восторженно поцокала языком на каменные могильные плиты и, наконец, соизволила объяснить:

– Я ваш новый сотрудник. Леокадия Семёнова. И не надо хихикать, у меня папа доктор исторических наук. А мама – культуролог в третьем поколении. Поэтому я – Леокадия. Лика я.

– Сотрудник, значит... – задумчиво протянул Тим. – Так доложить по форме, сотрудник! – вдруг рявкнул он.

Девушка ойкнула и отрапортовала:

– Консультант по вопросам истории и культуры Леокадия Семёнова для прохождения службы прибыла, – она запнулась, – или прибыл? Как верно?

– Верно рассказать, как ты оказалась в подземелье под подвалом, – нетерпеливо встрял Андрей.

– Да это просто! Меня к вам в отдел направили на усиление, а вас нет. Ну я пошуршала немножко в кабинете, в компе посмотрела последние поисковые запросы. И решила приступить к работе, чего тянуть-то? А что, нельзя было? – Лика обезоруживающе улыбнулась.

– Шуршать в личных вещах коллег – это неправильно, – констатировал Тимур, – но временно, тут не поспоришь. А внизу ты как оказалась?

– Так мы тут практику полевую проходили, в Батыево этом. Почти три месяца собирали фольклор и по округе ходили. Про тайные ходы и катакомбы, якобы оставшиеся с четырнадцатого века, тут каждый знает. Я как вашу «Ниву» у храма увидела, сразу поняла, что вы куда-то не туда забрели. Ну и пошла в обход, от реки. Там ход есть, дед один показывал, даже водил внутрь. Но не так далеко, конечно. Я бы и не пошла дальше, но голоса услышала. Ну и вот... Вылезла.

– То есть и о том, что в центре храма есть лаз в подвал, тоже все местные в курсе? – обалдело произнёс Андрей. – Чего же они тогда плиты эти могильные по своим огородам не растащили?

– Сдаётся мне, Андрюх, что местные не только знают про лаз. Но и охраняют его, – Тимур потёр подбородок. – Кто-то же закрыл нас тут? Не твой ли таинственный осведомитель? Замашил и закрыл. Так выходит?

– Выходит, что так... – тоже задумался Андрей.

– А давайте знакомиться, а? – вдруг сказала Лика, отвлекая Тима и Андрея от расследования. – Я вот...

Девушка указала на ближайшую могильную плиту. Там уже был разлит по трём пластиковым стаканчикам чай из термоса и на носовом платке, конечно же розовом, лежали бутерброды с сыром и три варёных сосиски.

Коллеги переглянулись и уселись на корточках вокруг белого камня с резными узорами.

– Я Тимур, – жуя бутерброд, сказал Тим, – а это, – он сосиской указал на напарника, – Андрюха. Добро пожаловать в команду отдела истории.

– Перекус на могильных плитах – это что-то новое, – хмыкнул Андрей.

– Если они действительно могильные, – заметила Лика. Новые коллеги посмотрели на неё с интересом. Увидев такое внимание, девушка поспешила развить мысль: – Останков же нет под ними. Вообще никаких. И даты не указаны.

– Тогда для чего они нужны?

– Вот это нам и предстоит выяснить. Мы же сюда, Андрюха, для того и приехали.

– Аргумент.

Убрав с поверхности плиты остатки трапезы, они уставились на узор. Центральная часть, украшенная треугольниками, заканчивалась плетёным узлом, из которого расходились четыре побочные ветки – две большие, уходящие концами за край плиты, и две поменьше, с меньшими узлами.

– В лабораторию такие тащить не вариант, – задумчиво пробормотал Андрей.

– А зачем лаборатория, ребят? – Лика вытащила из рюкзака небольшую зеркалку. – Родители подарили, на поступление. Давайте сфоткаем всё – и на выход?

– Одну всё равно стоило бы прихватить. А лучше парочку.

– Вот мы с тобой и возьмём две маленькие, из первого зала. А Лика, – Тимур обвёл рукой зал, – сфотографирует все плиты до единой. И да, погнали уже наружу. У меня, кажется, клаустрофобия начинается.

После полумрака подземелья свет только-только занимавшегося рассвета больно ударил по глазам. Андрей и Тимур, побряхывая и пригибаясь под тяжестью каменюк, тащили по плите, Лика шагала позади, просматривая кадры на фотоаппарате. Она серьёзно подошла к поставленной задаче. Каждая плита была запечатлена отдельно, а группы плит – с разных ракурсов, для удобства изучения. Трофеи сложили в багажник служебной «Нивы», и вскоре все трое тряслись по ухабистой дороге в направлении дома.

– Это ж нам опять сейчас в кабинете торчать? – уныло протянул Андрей.

– Хочешь, можем рвануть обратно? – абсолютно серьёзно предложил Тимур. – Оставлю тебя там, но через неделю вернёшься с полноценным отчётом.

– Так себе перспективка, Тимур Сергеевич.

– Вот поэтому мы фоток и наделали. Не переживай, Андрюха! Нам будет чем заняться, не успеешь заскучать.

В управление вернулись уставшие. Сил хватило только на то, чтобы отнести плиты в кабинет. Потом Тимур благородно развёз коллег по домам. Лика, как оказалось, жила недалеко от Андрея. Оставив машину под своими окнами, Тимур наспех перекусил и сразу упал спать, решив оставить все дела на завтра.

* * *

– А! Встретились! – удовлетворённо улыбнулся в усы Глокеншпиль. – А я что-то запечатывал тебе сказать про новенькую.

– Ничего страшного, Вадим Семёнович, – пожал руку начальнику Тимур. – Трудностей не возникло.

– Ну и славно. Работайте, ребятки. Если что, то с докладом сразу ко мне.

– Так точно, Вадим Семёнович!

В кабинете парни усадили Лику за стол Тимура, выдали чай и печенье, а сами отправились в хозчасть. Вскоре перед девушкой возник почти новый стол, новый стул и стандартный компьютер в базовой комплектации. Различную мелкую канцелярию поделили между собой на троих и, рассевшись по рабочим местам, принялись мозгоштурмовать. Они распечатали фотографии, честно поделили, разложили их в произвольном порядке на столе и стали обсуждать.

– Я вот знаете что думаю? – Лика подошла к магнитной доске в центре кабинета и повесила на неё несколько фотографий. – Вот смотрите, если между этими плитами провести дополнительные линии, то будет похоже на соединение. Слово раньше они были одним целым, но их разбили на составляющие... Ну, как пазл. Понимаете?

Она прочертила между фотографиями несколько линий. Фигура складывалась с трудом.

– Мы оставим эту версию, как возможную, – записал себе Тимур. – Но, честно говоря, это сова на глобусе.

– Ну почему же? – Лика решила защищаться до конца. – Быть может, это некая схема или шифр, которые мы не должны узнать.

– Может, и так, – миролюбиво заметил Андрей. – Мы вернёмся к этой версии. Но сейчас нам главное не гнуть одну-единственную, а накидать множество.

Подумали ещё немного. Андрей предложил вариант о рождении и смерти.

– Смотрите, нижняя часть – это воплощение жизненной дороги человека. Солярный символ в центре – погребальный огонь. Проще говоря, завершение земного пути. А дальше путь разделяется. Скорее всего, левая ветвь – это материальная составляющая, а правая – сама душа.

– Интересно, – задумчиво кивнул Тимур. – Запишем. Но смотри, и справа, и слева одинаковые части. Как определить, где душа, а где тело?

– Да, чего-то не сходится, – враз погрузнел Андрей.

– Но это тоже хорошая версия. Отметать её не станем.

На обед решили не идти в столовую, а прогуляться на свежем воздухе в ближайшем парке. Про работу решили не говорить, чтобы дать мозгам отдохнуть и проветриться. Но Лика не удержалась от вопроса.

– Тимур Сергеевич, а вы только по России работаете? Командировки бывают?

– Нечасто, но иногда приходится выезжать, – Тимур улыбнулся, вспоминая что-то. – Помнишь ту картину в Схевенингене, Андрюх?

– Забудешь такое, – хмыкнул Андрей и тоже чему-то улыбнулся, а затем застыл.

Тимур и Лика прошли вперёд и остановились.

– Ты чего?

– Тимур Сергеевич, помните ту картинную галерею?

– Конечно, – Тим заинтересованно посмотрел на напарника.

– Там картина была. Автор – Мартен ван Фалькенборх, помните такого?

– Если честно, то не припоминаю.

Мартен ван Фалькенборх. «Речной пейзаж с производством железа». 1611 год.

Андрей присел на ближайшую лавочку и достал телефон. Быстро набрав в поиске нужную картину, показал её коллегам.

– Вон, слева внизу. Что это у стены плавильни? – Тимур пригляделся.

– Это они?

– Так мне кажется. Но раньше я думал иначе. Надо посмотреть с компа, покрупнее.

– Лучше в оригинале, – в сторону, не обращаясь ни к кому, пробормотала Лика.

– Определённо лучше. Но нужно одобрение Колокольчика.

– Кого? – удивлённо спросила Лика.

– Ну, Глокеншпиля. Это музыкальный инструмент такой, вроде ксилофона. Звенит, как колокольчик. Вадима Семёныча все так называют. Он вроде даже в курсе.

Не сговариваясь, отдел истории полным составом быстро зашагал к выходу из парка. У истории нет обеденных перерывов.

Когда вернулись в кабинет, Андрей тут же нашёл изображение картины в хорошем качестве. У стены плавильни действительно стояли две плиты. Узор на них виден не был. Нужен был оригинал.

– И где находится оригинал?

– Гуглю, – отозвался Андрей. – На Бродвее, в музее Громанна.

– В Америку нас не пустят, наверное, ради проверки какой-то версии.

– Погодите расстраиваться, Тимур Сергеевич. Вот, последние новости. На следующей неделе Фалькенборха доставят в Рейксмузеум в Амстердам, на выставку, посвящённую австрийским классикам семнадцатого века.

– И зачем вообще в семнадцатом веке в Амстердаме плиты с нашими крестами в плавильне?

– Может, как формы для отливки использовали?

– Может... – Тимур задумался. – Но маловероятно.

К Глокеншпилю Тимур пошёл один. Нина Васильевна щёлкнула коммутатором и предупредила начальника о визитёре.

– Вадим Семёнович, я сразу к вам. Как и просили.

– Что? Уже разгадали? Сильны, ребята!

– Нет, извините, пока не разгадали. Требуется разрешение ваше на командировку. В Нидерланды.

– А я смотрю, вам понравилось по заграницам кататься, да?

Тимур в ответ только пожал плечами. Кому не понравится по музеям ходить и на произведения искусства смотреть. Да ещё и за казённый счёт.

– Ну хорошо. Если привезёте оттуда что-то такое же взрывное, как из Гааги, – будете герои. Там, – он поднял палец к потолку, – очень хвалили и отдел вообще, и вас каждого лично. Большую работу проделали. Снова на вас с Андреем заявку отправляем?

– Если можно, то на всех троих. Андрей мне там будет нужен, а Лике нет смысла тут оставлять, когда она только пришла к нам. Лучше уж пусть с нами.

– А что вы там такое нашли?

– Ну-у-у, – Тимур защёлкал пальцами, подбирая слова. – Версий несколько, но я для себя определил две, хоть ребята пока и не в курсе.

– Расскажешь?

– Конечно. Если одобрите, то буду их и копать.

Тимур взглядом указал на диван, и Глокеншпиль кивнул, разрешая присесть. Затем нажал кнопку на столе:

- Нина Васильевна, а принесите нам чаю.
- Сию минуту, Вадим Семёнович.

Когда Нина Васильевна внесла на подносе чай и тарелку с конфетами и пряниками, Глокеншпиль кивнул Тимур, мол, угощайся, а сам откинулся в кресле и закурил, предвкушая интересную историю.

– Версия первая. Есть такой художник Мартен ван Фалькенборх, написал несколько картин в начале семнадцатого века. Одна из них – «Речной пейзаж со сценой добычи железа», – Тимур отпил чаю. – Возле плавильни изображены каменные плиты с нашими крестами. Предполагаем, что это формы для плавления или своего рода инструкции для изготовления чего-то важного. Например, дамасской стали.

– Погоди, голубчик. Секрет дамасской стали уже и не секрет вовсе. Многие куют её, и успешно.

– Знаю, да. Но также мне известно, что это просто использование названия. Про дамасскую сталь-то все слышали. А как она делается на самом деле – никто не знает. Ну, из покупателей ножей. Так что сплошной маркетинг. На самом деле дамасская сталь создаётся не так, как рассказывают современные кузнецы.

– А как? – Колокольчик заинтересованно подался вперёд.

– Давайте в другой раз расскажу? Сейчас нам про плиты важнее, – увильнул от вопроса Тимур. – Вот ещё вторая версия: кресты вовсе не кресты, а что-то вроде предметов искусства древней цивилизации.

– Каких предметов и какой цивилизации?

– В данном случае их можно назвать декоративными фрагментами отделки какого-то культового сооружения. И собрав плиты в единое полотно, мы узнаем чуть больше о культуре и верованиях древних строителей. И об их технологических возможностях. Вспомните дело о «консервах».

– И ты думаешь, что там, на этой картине, ты найдёшь ответы на вот такие вот сложные вопросы?

– Как минимум смогу избавиться от нерабочего варианта, а это тоже приблизит нас к разгадке – не потратим время и силы в ненужном направлении.

– Да... Интересно... – Глокеншпиль задумался ненадолго и наконец изрёк: – О чём-то таком и предупреждали.

– Кто? – уточнил Тимур.

– Там! – палец начальника снова указал куда-то в потолок. – Что ж, подготовьте все документы для командировки.

– Спасибо, Вадим Семёнович!

– Раз этот вопрос закрыли, давай рассказывай про дамаск! Нина Васильевна, ещё чаю и никого не пускать ко мне, если не горит.

И Тим приготовился рассказывать.

– Мифов и легенд вокруг этой стали множество. Почти столько же, сколько о булате. Но о нём уж точно потом как-нибудь, хорошо?

– Хорошо-хорошо, – Глокеншпиль прилёбывал крепкий ароматный чай из чашки с гербом управления. – Ты начинай.

– Начать стоит с того, что историки до сих пор не пришли к единому мнению о месте происхождения дамасской стали.

– Не понял? – Вадим Семёнович развернул «Мишку на Севере», потом завернул обратно, сложив уголки аккуратным треугольничком, и взял пряник.

– Кто-то считает, что Дамаск был просто местом, где эта сталь продавалась в слитках. Эдаким базаром или ярмаркой. Не только сталь, конечно. А вообще всё. Такой вот был центр мировой торговли в древности.

– Как Новгород?

– Ну... Пусть как Новгород, да. Торговый город, – Тим уже понял, что без подробностей его не отпустят. – А производилась эта сталь где-то в Индии. В слитках её перевозили в Дамаск и там уже ковали.

– Очень это похоже на то, как сейчас заводы там размещают, да?

– Интересная аналогия, очень похоже на правду. По преданиям, сабли из дамаска были лёгкими и настолько прочными, что разрубали даже кольчугу. И настолько упругими, что могли сгибаться в кольцо.

– Однако... – протянул Глокеншпиль.

– Такое оружие существует до сих пор, кстати. Меч-пояс называется. Сейчас ясно только одно – технология была сложнейшей. Сначала литьё, потом медленное охлаждение, шадящаяковка для сохранения определённого количества углерода в стали. Как в те времена определяли этот самый углерод – тоже не совсем понятно. Назовём это мастерством прошлых цивилизаций. Столетиями учёные пытались восстановить секреты древних мастеров. По версии современной науки, именно эти эксперименты и дали толчок к открытию легированных сталей.

– С примесями которые? – уточнил Глокеншпиль.

– Именно. Но все секреты дамаска раскрыты так и не были. Есть легенда, что этот уникальный сплав, который и пытаются сейчас повторять современные мастера, добывали из горы, что когда-то существовала как раз недалеко от Дамаска. То есть сами мастера ничего не придумывали, а просто брали готовое. Естественно, природные ресурсы уникального месторождения исчерпались, поэтому все последующие попытки воссоздать состав того самого дамасского металла считаются неудачными. То есть современный дамаск повторяет свойства и внешний вид, но вот точно ли это он – тот самый дамаск древних – неизвестно, – договорил Тим и тоже отпил чаю из пузатой кружки.

– Получается какой-то дамаск Шрёдингера, – подвёл итог Глокеншпиль. – Дамаск вроде есть, а вроде бы и нет его. История...

– Вроде того, да, – Тим поставил кружку на поднос. – Я пойду, Вадим Семёнович? Нам собраться ещё надо. И ребята ждут.

– Беги-беги, лёгкой дороги, – отпустил Тима начальник.

Когда за подчинённым закрылась дверь, Глокеншпиль открыл нижний ящик стола, пошарил где-то в его глубине и достал короткий кинжал с красивыми морозными узорами на лезвии.

– Полторы тысячи лет, а как новенький! – Семён Вадимович любовно погладил клинок и убрал обратно в ящик. – История может терпеть веками, но если уж приспичит, ждать не даст.

* * *

Из Королёва до Москвы ехали на той же самой служебной «Ниве». Машину должен был забрать со стоянки кто-то из сотрудников управления, возвращаясь из столицы. Поезд до Минска отправлялся вечером, поэтому ребята ещё успели погулять по городу перед поездкой.

– А о чём с Колокольчиком так долго говорили? – спросил Андрей, когда они неспешно ели мороженое, сидя на скамейке в сквере.

– Про дамаск ему рассказывал. И про дело о «консервах» вспоминали.

– О каких таких консервах? – поинтересовалась Ли́ка.

Тим только неопределённо хмыкнул, откусив кусок побольше. А Андрей, правильно поняв молчание начальства, приготовился рассказывать.

Он выбросил фольгу от эскимо в урну, тщательно обтёр руки платком и начал:

– Тимур Сергеич, когда дело это про метро начал копать, принёс коробку из института. Почти с боем её у одного профессора забрал. Согласно имеющимся данным, в этой коробке должен был быть архив и прочие документы по строительству московского метрополитена. Но оказалось, что ничего там толком нет. Совсем тонкое "дело" получилось: ни проектной документации, ни качественных фотоснимков, ни негативов – ничего. Из того немногого, что удалось найти, вырисовывалось вот что: в июне 1931 года на Партийном пленуме секретарь ЦК Лазарь Каганович продвинул решение срочно строить метро в Москве. И сразу же начались чудеса. Уже в ноябре 1931 года в Городском отделе проектов был создан и представлен проект всех линий метро. Срочно была утверждена первая очередь строительства – от Сокольников до будущего Дворца Советов. Это грандиозное здание высотой в четыреста семнадцать метров должно было стать самым высоким в мире на тот момент.

Лица слушала внимательно и не перебивала. Про метро она знала не очень много. Но восхищалась мозаиками в отделке и интерьерами станций. Московский метрополитен не казался ей помпезным, нет. Скорее величественным и славящим. Каждый канделябр, каждая колонна словно бы восхваляли труд советского рабочего.

– Место для строительства было выбрано со вкусом и даже некоторым пафосом: на месте храма Христа Спасителя. Проект строительства Дворца исполнен не был. Но Московское метро уже 15 мая 1935 года пустили в эксплуатацию. Пусковой объект включал в себя: 16 километров туннелей, 11 километров двухпутных линий; 13 станций; 14 поездов, не имеющих аналогов в мире.

Приняли, постановили и построили. Постройкой Московского метрополитена занималась организация «Метропроект». С мая 1932 года развернулись подготовительные работы. В работе принимали участие английские, немецкие и французские инженеры. В чём именно их участие выражалось, установить не удалось.

– Безымянные гении, не иначе, – поддакнул Тимур. – Не удивлюсь, если после окончания работ им выкололи глаза и отрубили руки. Говорят, в некоторых эпохах это было принято.

– Вы же шутите? – тихонечко пискнула Лица.

– Конечно-конечно! Или нет.

– Не отвлекайте меня. Тут столько цифр и данных, что даже мне их тяжело запомнить. Дайте я дорасскажу, – завладев вниманием коллег, Андрей продолжил: – Одновременно с работами шло обучение строителей и технического персонала. Но кто и где обучал персонал? Тимур Сергеевич, ты не в курсе? Обучить может тот, кто сам умеет и знает, да? А таких спецов в Союзе не было. Откуда им взяться-то?

– Ну... – Тим доел мороженое. – Вот смотри, шахтёры Донбасса принимали участие в строительстве. Они-то уж точно знали, как копать. Бетонщики Днепрогэса, московские комсомольцы – всех подтянули. Пятьсот заводов за месяц освоили производство новой техники.

– Копать – это вам не метро строить. И сроки какие-то фантастические. Какие пятьсот заводов? У нас на заводе высокоточных приборов третий год никак радары в производство запустить не могут, сплошная бюрократия, – Андрей только махнул рукой. – Никакой человеческой логики не хватит объяснить эти вот факты. Смотрите, что пишут: «Эскалаторы, вагоны, насосы, вентиляторы, рельсы, трубы, проходческие щиты, цемент, мрамор, гранит, полудраго-

ценные камни, стальной прокат, листовую медь и бронзовое литьё и ещё пару тысяч изделий стали поставлять через месяц». Через месяц! Да мне носки из Китая дольше идут.

– Ничего себе, масштабненько! – Лика с удовольствием слушала, какая-то даже гордость за страну просыпалась.

– Неглинная, Яуза, Ольховка, Чечёра, Рыбинка, – перечисляя, загибал пальцы Андрей, – это только реки. А ещё на пути метростроевцев стояли дома, обычная городская застройка, плотная даже тогда, подземные коммуникации. Тем не менее, к пятому февраля тридцать пятого года была построена первая линия от Сокольников до Парка культуры. За восемнадцать месяцев, ребят! За восемнадцать! Вы вдумайтесь.

– Я-то вдумался, не кричи. Не отвлекайся, рассказывай Лике, вводи в курс, – Тим был неплохим руководителем.

Направить неуёмную энергию гениального напарника в продуктивное русло у него получалось почти всегда. Погрешность на неконтролируемый выброс Тим держал в уме.

– А теперь, внимание, будет больно! – Андрей встал навтыжку и отчеканил: – Любые виды съёмок, включая самые простейшие камеры и фотоаппараты, были запрещены. Нарушителей расстреливали на месте.

Работа в тоннеле станции «Охотный ряд».

Лица ойкнула, но перебивать не решилась.

– Нет, ну несколько явно постановочных фото сохранились, – Андрей полез в телефон и стал показывать фото. – Вот тачки, вот строители, вот разводной ключ. Тимур Сергеич, вот у нас «Нива» наша есть, да?

– Есть, да. Существует на балансе управления, – не стал отрицать Тимур.
– И ты знаешь, что разводным ключом нельзя закручивать гайки, сорвёшь к чёртовой бабule. Только специальными ключами, подходящими по размеру. Почему эту простую истину не знали метростроевцы? А? А я тебе скажу – что было в реквизите для фотографий, то и дали в руки. Позируйте, товарищи строители. Изображайте бурную комсомольскую деятельность!

Ли́ка внимательно разглядывала фото:

– Действительно, ерунда какая-то.

– Я сейчас тебе покажу ещё кое-что, имеющее мало отношения к метро, но многое нам объясняющее, – Андрей включил ноутбук. На экране появились сканы пожелтевших документов.

Ли́ка стала читать:

«По данным Госстата СССР, к 1931 году промышленное производство сократилось по отношению к 1913 году в семь раз. За период с 1921 года по 1930 год только на территории центральной России было подавлено около ста антиправительственных восстаний.

Голодные мятежи рабочих и крестьян продолжались до 1935 года.

После ликвидации НЭПа страна взяла курс на индустриализацию.

Это позволило ввести в эксплуатацию девять тысяч крупных предприятий. Строительство этих предприятий производилось с привлечением сил США и Великобритании.

Было привлечено 380 тысяч иностранных рабочих и специалистов. К примеру, на строительстве Сталинградского тракторного завода, а на самом деле танкового, советских рабочих, кроме пары сотен чернорабочих, не было».

– Интересный факт – не сохранилось ни одного документа или сметы об оплате труда иностранных специалистов. Все работы велись в СССР совершенно бесплатно. Кто их финансировал? – Андрей дождался, пока Ли́ка дочитает документ, и продолжил: – Там ещё параллельно шла грязная история с золотым эмбарго, если помните.

– Я, Андрей, помню. Но где политика, а где история?

– О, дорогой начальник, где история, там и политика. Вы дальше смотрите.

Теперь на экране был открыт обычный вордовский документ. Отчёт Андрея.

«По данным Красного Креста, в 1932 году только в Поволжье от голода умерли три миллиона восемьсот тысяч человек. Годовые планы по добыче угля, производству продуктов питания, машиностроению, сталепрокату – всё было сорвано.

Автотранспорт в Москве.

Первый автомобиль ГАЗ выпустил в 1933 году. Выпускались они поштучно. АМО, будущий ЗИЛ, выпускал машины грузоподъёмностью две с половиной тонны в 1930–1933 годах, общим количеством около 35 тысяч штук. На весь Союз.

Грузовой автопарк Москвы был малочислен и держался на дореволюционных развалюхах.

Первый проходческий комбайн был создан самоучкой Алексеем Бахтумским в 1932 году.

И только в 1939 году Горловский завод им. Кирова выпустил серию комбайнов, всего пять машин, которые работали на шахтах Донбасса.

Никаких предприятий, способных производить электровозы, вагоны, – нет. Не существует.

Шлифованный мрамор и гранит можно заполучить только в качестве надгробной плиты, в единственном экземпляре».

– Извините, – наконец подала голос Лика, – так чем они там копали и как вывозили? – Не доверять сведениям, нарытым напарником, повода не было.

– Хороший вопрос! Возможно, самый главный вопрос. По официальной версии, при строительстве было вынута двадцать три миллиона кубических метров грунта, – Андрей порыбацки развёл руками.

– Это сколько? – уточнила Лика.

– До хрена. И ещё вот столько. Но это цветочки. В тоннели уложили восемьсот пятьдесят семь кубических метров бетона.

– Всё, я не могу больше, – взмолилась Лика. – А если как-то без вот этих вот точных данных? Это можно?

– Нельзя, – Андрей защёлкал по клавиатуре и открыл фотографию какой-то газетной вырезки. – Смотри – советским по жёлтому написано: «Построено: 4 электротяговых подстанции; 11 понизительных подстанций. Смонтировано 15 эскалаторов. Уложено 21 535 метров квадратных полированного мрамора. Использовано: 88 тысяч тонн металла; 581 тысяча кубометров леса редких пород; 296 тысяч тонн цемента; 305 тысяч рулонов изоляционных материалов».

– То есть предприятий нет, а материалы есть?

– Именно! Это я уже не буду тебе про грузооборот рассказывать. Там столько, что если бы нам зарплату выдавали в таких цифрах, то я бы ух!

– Размечтался, – Тимур сидел на лавочке, откинувшись на спинку. От обилия цифр голова гудела. – Ты давай к выводам переходи.

– А нет их. Только вот коробка та твоя пыльная. Честно скоммунизженная уважаемым нашим историком, – цифры Андрей очень любил и страданий коллег не разделял. – Но я считаю, Лик, что мы имеем дело с «консервами».

Лика подняла на коллегу замутнённый арифметикой взгляд, определяя, не поехал ли тот кукушечкой на фоне вседозволенности. Или просто оголодал?

– Да стояло оно там раньше! Ну, лежало. Под землёй. Хранилось себе, как консервы, на случай острой необходимости. Вскрыли, помыли, повесили портреты вождей. И вот вам, дорогие мои москвичи, шедевр индустриальной мощи! – Андрей эффектно поклонился, ожидая реакции.

– И кто его туда положил? Ну, поставил. Построил кто?

– Кто-кто, дед Пихто, склонный к античному стилю в дизайне. Разбираться будем.

– Будем, Андрюх, обязательно, – Тимур осторожно закрыл крышку ноутбука. – А сейчас – давайте ещё по мороженому всем отделом. Тайны допотопных цивилизаций вредно разгадывать на пустой желудок.

– Подождите, – Лика дёрнула Тима за рукав. – Так чем закончилось дело про «консервы»? Как вообще это дело можно закрыть?

Тимур улыбнулся чему-то своему. А Андрей ответил:

– Коробку ту мы сдали начальству. Дело оформили, всё запротоколировали, выводы – какие уж есть – написали. А дальше будет как будет. Может, вернётся то дело к нам на исследование, может – решат, что это всё выдумки и игра воображения. Но Колокольчик нас тогда хвалил очень.

– Да, – подтвердил Тимур. – Чувство недосказанности есть, конечно. Но так вот и работает отдел истории. Мы находим, откапываем, иногда в самом прямом смысле, сортируем данные, сопоставляем, делаем выводы и развиваем версии. Даже самые невероятные. И сдаём наверх.

– Но судя по тому, что сейчас нас отправили в эту вот командировку, – Андрей уже запаковал ноут и был готов гулять дальше, – наш отдел приносит ощутимую пользу. Не совсем, правда, понятно, какую именно и кому.

– Командировка наша – это моя мечта, – закивала Лика. – Я же за границей никогда была. А тут только работать начала – и уже еду в Нидерланды.

– Жизнь – она такая, да. Удивительная штука, – заметил Тимур. – Главное, не привыкай. Такие командировки – скорее исключение, чем правило. И то Колокольчик хотел меня одного сначала отправить.

– Спасибо вам, Тимур Сергеевич, – искренне поблагодарила Лика.

– Да, я тоже забыл сказать спасибо, – спохватился Андрей. – Это, конечно, не по склепам лазать, но тоже ничего.

– Смотрю я, Андрюха, понравились тебе те подземелья в Батыево. Ещё не поздно сдать билет и вернуться туда работать.

– Ну как я вас брошу? Ещё найдёте что-то не то, а мне потом разгребать.

– И правда, – улыбнулся Тимур. – Я и забыл, что ты у нас главный разгребатель.

– И самый лучший, хочу заметить!

– Это сразу видно, Андрей Андреевич, – поддержала Лика.

Погуляв немного в центре, ребята двинулись в сторону вокзала. Самолётом лететь было дорого, да и никто никуда не торопился, и потому решили до Нидерландов ехать на поездах. Все билеты были куплены и оформлены заранее самой Ниной Васильевной, а значит, поездка пройдёт чётко по плану. Тимуру и его команде нужно только не опаздывать.

* * *

– Тимур Сергеевич, а вы не храпите? – спросила Лика, когда все трое наконец загрузились в купе и расселись на мягких диванчиках. – А то у меня очень чуткий слух.

– Лика, мы в поезде едем, – Андрей ответил до того, как среагировал Тимур. – Здесь посторонних звуков будет гораздо больше, кроме возможного храпа. Советую на ближайшей остановке купить беруши.

– И я не храплю, если что, – попытался успокоить девушку Тимур.

– Это радует. Но про беруши и правда мысль хорошая. И маску для сна ещё надо не забыть, интересно, на вокзалах есть что-то ярких расцветок?

Разложив немногочисленные вещи, каждый выставил на стол приготовленные в дорогу продукты. Зарплаты отдела не позволяли особо шиковать, даже с командировочными. Лика достала большой пакет яблок и груш. Тимур обрадовал коллег шашлыком. Пусть мясо и холодное, но сочности у него не убавилось. Андрей вытащил из рюкзака тщательно упакованные в фольгу домашние пирожки с разными начинками.

– Да мы это всё до самого Амстердама не съедим! – пробормотала Лика.

– Что за пораженческие настроения? – Тимур протянул ей кусок шашлыка. – Не падай духом, боец! Придётся постараться.

Пока ехали до Минска, не расслаблялись. Тимур лежал на верхней полке, Лика и Андрей на нижних. Накидывали друг другу разные идеи и варианты, теории и мысли про вилочковые кресты. От самых очевидных до безумных и невероятных. Каждая теория тщательно разбиралась и выкидывалась как нерабочая или записывалась Ликой в блокнот. Андрей просто всё запоминал. Всё это было очень странно, непонятно, нелогично и почти бессмысленно. Каза-

лось, что они упускают что-то очень важное. А вот найти смысл и в бессмыслице – в этом обязанность хорошего следователя.

* * *

Минск встретил их чистым небом и ярким солнцем. До следующего поезда, в Варшаву, оставалось шесть часов, и ребята решили побаловать себя местной кухней. В небольшом кафе неподалёку от вокзала они заказали драников и местного тёмного пива.

– Тут так солнечно, так светло, так красиво! У нас, конечно, тоже хорошо, но вы только посмотрите, мальчики, – Ли́ка указала на зелень парка, раскинувшегося перед террасой кафе. Тимур и Андрей удивлённо переглянулись.

«Мальчики» от Ли́ки, называвшей коллег исключительно на «вы» и по имени-отчеству, прозвучало непривычно. Тимур взглядом указал Андрею на бутылку тёмного портера. Шесть с половиной оборотов – это вам не кот чихнул. Для хрупкой Ли́ки, даже учитывая закуску, перебор.

Андрей молча кивнул и движением фокусника передвинул полупустую бутылку поближе к себе. Потом посмотрел на покрасневшую Ли́ку и провернул то же самое с её недопитым бокалом.

– А принесите нам чаю с лимоном, пожалуйста, – попросил он официантку. Та понимающе улыбнулась и скрылась в кухне.

– А обратно мы тоже на поезде поедим? Я бы хотела здесь погулять подольше. Такой красивый город. Тимур Сергеевич, Андрей Андреевич, вам не нравится? Почему вы так странно смотрите?

– Ли́ка, ты про это не думай, у нас всё впереди ещё. Погуляем, и тут, и там, вот лучше драничков скушай, – Андрей пододвинул к ней блюдо.

– Да, а пиво тут крепче, чем я думал. Я, пожалуй, тоже ещё драников съем, – поддакнул Тимур.

Расплатившись и приятно удивившись низким ценам, ребята еще немного погуляли и вернулись на вокзал. Без труда нашли свой поезд и разместились в купе. Порядок решили не менять – Тимур занял верхнюю полку, уступив Андрею и Ли́ке нижние. Она уже пришла в себя от выпитого пива и сперва вела себя чуть скованно, но видя, что никто её не упрекает, расслабилась, и вскоре они продолжили неторопливый разговор, начатый ещё в поезде Москва – Минск.

– Смотрите, ребят, – начал Андрей, – все эти плиты можно разделить на несколько больших групп.

– Тебе лишь бы что-то систематизировать, – одобрительно протянул Тимур. – Давай делить!

– Будем сразу смотреть на те, которые до эпохи Романовых.

– А почему? – Ли́ка перебирала фотографии, сделанные в подземелье.

– Потому что на более поздних и узор, и надписи выполнены на одном, высоком, технологическом уровне. Не придерёшься. Всё ровненько-гладенько. Тут ловить нечего совершенно. Нам больше интересны эти, – он ткнул в одну из фотографий, – датированные шестнадцатым веком и раньше. Смотри, узоры тут такие же глубокие, ровные, красивые. А надписи?

– Как будто гвоздём царапали, – Тимур тоже всмотрелся в изображение. – Похоже, что это два разных человека оформляли. Один – узоры, а второй – не мастер резьбы по камню, подмастерье, может – надписи малевал.

– Именно! – Андрей вскочил и стал пальцем на двери купе рисовать таблицу. – Вот смотрите, пятнадцатый и часть шестнадцатого века – просто плиты без надписей. Шестнадцатый – кривые-косые надписи и качественные рисунки, а дальше – всё красивое. Красивое – выкидываем. Остаётся две группы: пустые и корявые, назовём их так?

– Назовём, – Лика старательно стенографировала в блокноте.

– Что мы можем предположить про корявые плиты?

– Что брали старые, пустые, – сразу же ответил Тимур, – и дописывали на них нужные имена и даты позже.

– Как заготовки памятников в ритуальных компаниях? – предположила Лика. – Выбираешь себе красивую каменюку нужного дизайна, а тебе на ней пишут, что хочешь.

– Да-да, – Тимур усмехнулся. – Эпитафии бывают, знаете ли, презабавнейшие. Видел такую: «Я писатель, но у каждого свои недостатки».

Все засмеялись.

– Вернёмся к нашим каменюкам, – продолжил вещать Андрей. – О чём нам говорит первая группа? Пустые?

– Хороший вопрос... – задумчиво протянул Тимур. – Предполагаю, ты клонишь к тому, что изначально они не имели никакого отношения к погребению?

– Именно! И чем они являлись на самом-то деле, нам и предстоит выяснить. Давайте посмотрим на них внимательнее?

Ребята сгрудились у столика и стали в который раз пересматривать фотографии.

– Есть совпадение! – наконец возвестил Андрей и быстро-быстро раскидал фотографии на четыре стопки. – Что скажете?

Лика и Тимур уставились на стопочки.

– Не вижу, Андрюх. Давай, не томи!

– Да посмотрите же! На орнамент посмотрите! – Андрей в нетерпении стал тыкать ручкой в фотографии. – Вот эти треугольнички около центрального круга – это узор волчий зуб. Смотрите, – он обвёл на фотографии две линии, выходящие из центра круга, – тут две полоски орнамента в виде буквы V.

– А тут – три! – подхватила Лика. Она положила рядом ещё один снимок.

– А тут, – Тимур придвинул ближе третий, – из центрального элемента ещё два кружочка отходят. Как три солнца, получается?

– Да! – обрадовался Андрей, – и все эти... м-м-м... виды объединяет одно – орнамент в виде треугольников! Волчий зуб! А теперь смотрим сюда, – он выдвинул на центр стола ещё одну стопку фотографий.

– Косичка! Я такую в тетрадах на полях рисовала всё детство, – Лика обвела плетёнку-косичку карандашом.

– А тут, – Тимур взял в руки последнюю стопку снимков, – узор в виде каких-то чешуек. Да?

– Вот именно!

– И остался один – в виде ёлочки, – подытожила Лика.

– И что они означают? – задал закономерный вопрос Тимур.

– Что-то означают, – Андрей сел на полку и задумался. – Круги – это солярный знак, тут можно и не гадать. А вот эти линии четырёх типов... Не знаю, не знаю...

– Ну, доедем до музея, посмотрим на картину, может быть, что-то прояснится, подтолкнёт что-то? – решил не давить на сотрудника Тимур.

Знал же, что если уж мысль у Андрея пошла, то пока не дойдёт, куда собиралась, не остановится.

– Давайте переварим новые вводные, – Тим собрал снимки, каждую стопку аккуратно упаковал в вырванные из блокнота Лики листочки и убрал в сумку.

С полчаса ехали молча. Потом Ли́ка, распаковав дорожный набор, ушла умываться. Тимур смотрел в окно, а Андрей что-то внимательно рассматривал на экране ноутбука.

* * *

– Это мне мерещится, что ли? – Андрей театрально потёр глаза и уставился на начальство.

Тяга к недорогим спецэффектам за коллегой и раньше наблюдалась, поэтому Тимур взял мхатовскую паузу. Решил подождать, куда кривая вывезет.

– Нет, ты посмотри, Тимур Сергеич, что творится-то! – почему-то окая, взвыл Андрей и стал тыкать пальцем в экран. – Нет, вы гляньте только!

– Кто «вы», Андрюх? Мы тут одни, – наконец снизошёл до ответа Тим. Не любил томить коллегу.

Если Андрей взял след, придётся по нему идти всем отделом истории. И хорошо, что уже не альтернативными путями, а вполне себе независимыми. Независимая история – так теперь называется то, что не вписывается в рамки официальной. По сути-то ничего не изменилось, но звучать стало солиднее.

– Да к чёрту политесы эти, ты глянь!

Тим присмотрелся к экрану. На нём во всю ширь была открыта гравюра. В спокойных серо-коричневых тонах, название видно: «Moscoe – Le Kreml».

Гравюра. Moscoe – Le Kreml. 1878 год. Частное собрание.

- Датируется одна тысяча восемьсот семьдесят восьмым годом, – уточнил Андрей.
- Красивое, – резюмировал Тим, внимательно рассматривая изображение. Ничего подозрительного видно не было. Мост, башни Кремля, церкви. Баржа проплывает по реке. Пастораль просто, только пастушки не хватает. Хотя откуда ей взяться в центре Москвы?
- И всё? Красивое? А так? – Андрей увеличил изображение.
- Твою ж мать, – тихо сказал Тим. И добавил: – И откуда тут это?
- Вот! – Андрей быстро-быстро защёлкал по клавиатуре, вытягивая резкость и контрастность репродукции.

Но даже без резкости было ясно видно, что на куполах храма были выгравированы кресты привычные, православные, и ещё какие-то другие. Странные.

– Это антенны? Ты точно год знаешь? – на всякий случай уточнил Тим. Хотя и рисковал нарваться на укоризненный взгляд коллеги. И нарвался.

– Обижаешь, Тимур Сергеич, обижаешь...

То, что это на куполах не антенны, было совершенно понятно. Да и откуда им взяться-то? А что за штуки?

– Может, просто ракурс такой? И это растяжки для укрепления? Попало по направлениям линий и потому так смотрится странно, – предположил Тимур, но и сам уже понял, что ерунда полная выходит.

Если одни кресты на гравюре хорошо видны анфас, то и все остальные так же должны быть закреплены. По канонам, если встать лицом к кресту, за ним окажется восток, слева – север, справа – юг, а сзади – запад. То есть ну никак некоторые кресты не могли быть развёрнуты в профиль. Значит, что?

– Значит, что? – переспросил Тимур уже вслух.

– Что это не православные кресты, – резюмировал Андрей и, победоносно сложив руки на груди, откинулся на диванчике.

– Похоже на правду. И что-то они мне напоминают, – задумался Тимур.

– Конечно, напоминают! Подвал они напоминают, а точнее – склад камней тех неподъёмных. На которых как раз были выбиты... – Андрей загадочно улыбнулся и замолчал.

– Вилочковые кресты?

– Они, родимые!

– Дела... – протянул Тимур.

В эту минуту дверь купе открылась, и вошла Лика. Повесив влажное полотенце на крючок, она деловито сунула нос в экран ноутбука.

– О, ирминсуль!

– Кто? – хором спросили следователи отдела истории.

– Это крест такой. Ну, что-то вроде, – взялась объяснять Лика. – Есть теория, что так у древних саксонцев назывался посвящённый их богу разветвлённый столб из дерева. Один такой стоял в священной роще у Эресберга в Вестфалии во второй половине первого тысячелетия. Некоторые учёные видят в ирминсулях изображение Мирowego древа.

Тимур снова уставился на изображение, а Андрей вдруг продолжил нараспев:

– Знаю, висел я в ветвях на ветру девять долгих ночей, пронзённый копьём, посвящённый Одину, в жертву себе же, на дереве том, чьи корни сокрыты в недрах неведомых.

– Да-да, «Старшая Эдда»! – поддержала творческий порыв коллеги Лика. – Шедевр мировой литературы!

– Так, секундочку, – прервал взаимные восторги коллег Тимур. – Вы сейчас договоритесь до чёрт знает чего. Где гравюра конца девятнадцатого века, а где символ Иггдрасиля?

– Парирую! – с момента прихода Лики Андрей явно повеселел. – А что нам, независимым, прошу заметить, следователям, мешает рассматривать все теории? Да, где поп, где приход, но в том и состоит наша работа. Искать непонятное и загадочное. Вот, я нашёл.

– Это один крокодил налево, а второй квадратный, – не сдавался Тимур, – где логика в этой странной теории?

– А где логика в том, что Стоунхендж – древняя обсерватория? – вступилась за Андрея Лика. – Может, на этой гравюре тоже что-то вроде такого?

– Какого?

– Ну, изображение созвездий, – предположила Лика.

Тим взвился:

– Ты предполагаешь, что эти вот палка-палка – астеризм обычный? И какой?

Тим раздражался. Слишком уж странные теории выдавали его коллеги. Слишком всё было как-то... За уши притянута. Слишком фантастично, мистично и ничем – совсем ничем – не подтверждено. Неправдоподобно и наивно. И это очень раздражало.

– Да хоть бы и созвездие Лебедя! – Лика тоже чуть повысила голос. Потом схватила карандаш и в два росчерка нарисовала созвездие на каком-то листке, одиноко лежавшем на столике. А потом ткнула в места, где должны бы быть звёзды, оставив тёмные глубокие точки в бумаге.

– Да вы с ума посходили! – взвыл Андрей. – Это же недельный отчёт Колокольчику! Я его уже закончил! Почти! Пока на гравюру эту проклятую не наткнулся...

Лика виновато притихла.

– Бери ластик, любительница поэзии, и стирай, чтобы и следа не осталось! А ты, Тимур Сергеич!..

– А я пойду. Мне к проводнику надо, за этими... как их... за ними, в общем.

И вышел из купе.

– Да-а-а... – Андрей рухнул обратно на жёсткий диванчик. – Дела.

– Я всё исправлю, не волнуйся, пожалуйста, – ласково-ласково заговорила Лика и принялась оттирать несчастный отчёт.

Андрей только рукой махнул:

– Да не в бумажках дело. Просто в который раз убеждаюсь, что только истина приведёт к свободе. Но сначала она приведёт нас в бешенство.

Лика только закивала в ответ, уничтожая созвездие Лебедя.

Дверь в купе снова застенчиво отъехала.

– Проводника нет, – тихо сказал с порога Тимур. – И я зашёл в вагон-ресторан. С брусничкой пирог будешь, Лик? Андрюх, с картошкой не было, взял с грибами два.

– Извинения в виде сухпайка принимаются, – Андрей цапнул из пакета ещё тёплый пирог и откусил сразу половину. – Я говофрю, форт ф ней, ф эфтой графюрой.

– Да, – поддержал Тимур, – отложим пока. Будем пока считать, что нам это померещилось. Всем нам.

* * *

Не прошло и трёх часов, а поезд уже притормаживал перед границей. Тима всегда удивляла какая-то маленькость и даже игрушечность Европы. Из одной страны в другую ехать как из Москвы, например, в Тверь. Всё рядом. А ведь совсем недавно они были дома, а теперь уже въезжали в Польшу. Почему-то вспомнилась шутка про то, что весь мир пугает, что Россия измеряет другие страны в своих областях. А чего бояться-то, если так оно и есть? Факт же. А он – штука упрямая. И прямая. В отличие от дорог, которые у нас скорее направления.

– Тимур Сергеевич? – окликнул его Андрей. – У тебя такой вид задумчивый. Что-то случилось?

– Да нет, удивляюсь расстояниям. Я как-то пытался по карте посчитать точные размеры России в километрах, получилось что-то уж очень далеко и долго. А тут – раз! – и на месте.

– Парадокс ещё в том, – не смог удержаться Андрей, – что самая западная точка России лежит в восточном полушарии, а самая восточная в западном!

– Голова у тебя, Андрюха, конечно... – ответил Тимур.

– А что голова? Нормальная голова, красивая даже, если в профиль, – Андрей повернулся к Лике. – Ничего же? Да? Есть на что посмотреть?

Ли́ка хихикнула, но комментировать не стала. Новая сотрудница всё ещё стеснялась коллег и пока не знала, где они шутят, а где серьёзны. Андрей действительно был ничего так, симпатичный. Но говорить ему об этом сейчас точно не стоило. Раньше, когда сидели в кафешке, может, и сказала бы. Но не сейчас.

В дверь купе постучали. Ответить ребята не успели, дверь плавно отъехала в сторону, и вошли два пограничника. Коротко поздоровались, глянули документы и визы, на рюкзаки даже внимания не обратили. Вышли, чуть прикрыв дверь.

– И всё? – разочарованно спросила Ли́ка. – Я ждала чего-то интересного. Граница ж.

Тим и Андрей синхронно пожалы плечами.

– А кто это у нас такой чудесный тут, – вдруг засюсюкала Ли́ка. – Чей это нос у нас шладкий?!

В не до конца закрытую дверь действительно просунулся собачий нос. Вслед за носом появился и его обладатель – довольно миролюбивого вида пёс. Помесь немецкой овчарки с кем-то вроде колли. Пёс, крутым боком отодвинув дверь пошире, протиснулся в купе и стал обнюхивать рюкзаки, его-то они интересовали очень и очень.

– Запрещённое ищет, – сообщил Андрей и на всякий случай подобрал ноги на полку, чтобы не мешать службе мохнатого пограничника и не загоразивать доступ к вещам.

– А может, он голодный просто? – Ли́ка уже запустила руку в пакет с сушками.

– Служебных собак кормить запрещено! – ответил за пса Тимур. – Да и не возьмёт он, они умные и дрессированные.

Умный дрессированный пёс строго посмотрел на Тимура, потом развернулся к Ли́ке, задев пушистым хвостом Андрея, и слизнул предложенное Ли́кой угощение. Внимательно осмотрел пустую руку, сунул нос прямо в пакет и стал упоительно хрумкать.

– Это же наши королёвские сушки! – воскликнул Андрей. – Я их специально купил, чтобы вдали от Родины съесть, размышляя о нелёгкой судьбе следователя на чужбине.

– Ой, ну Андрей Андреевич, – Ли́ка улыбнулась. – Неужели вам жалко для такого красавца?

– Фу! – прикрикнул Тим. – Фу, тебе говорят!

– Мне кажется, Тимур Сергеевич, он не понимает по-русски, – вставил Андрей, отряхивая шерсть с майки.

– А как будет «фу» по-польски?

– А уже и неважно, коллеги, – Ли́ка положила опустевший пакетик на стол. – Тебя погладить-то можно, служебный?

Пёс грустно проводил взглядом шуршащий пакет, ткнулся мохнатым лбом Ли́ке в ладонь и, развернувшись, осыпая шерстью всех троих, поскакал в коридор. Досмотр сам себя не досмотрит. А тут и так всё понятно – сушки закончились, ничего более привлекательного по сумкам не разложено.

После паспортного контроля, тщательного осмотра багажа и стряхивания шерстинок с одежды ребята вновь расселись по полкам.

* * *

– Может, чуток притормозим с рабочими моментами? – взмолилась Ли́ка, когда Тимур потянулся к блокноту с версиями. – Это всё очень интересно, но у меня уже голова кипит и вилочковые кресты вокруг неё пляшут. Я в таком состоянии не способна нормально думать.

– Привыкнешь, – подмигнул ей Андрей. – Это у нас Тимур Сергеевич такой неубиваемый. Хочет все тайны мира раскрыть.

– Ну так интересно же, – стушевался Тимур.

– Так никто и не против. Нам самим интересно. Но иногда действительно нужно делать паузы. Чтобы глаз не замылился.

– Разумно, – кивнул Тимур и улыбнулся. – Ну, тогда сами напросились.

Он придвинулся к окну и указал на приближающееся здание вокзала. Поезд как раз делал поворот, и его было прекрасно видно.

– А вы знаете, что Варшава очень часто тонет? – спросил Тим.

– Как Санкт-Петербург? – уточнила Лика. – Раньше.

– Именно. А знаете почему?

– О, это просто, – усмехнулся Андрей. – Наводнения – это следствие необычного сочетания гидрометеорологических факторов и условий на водосборе.

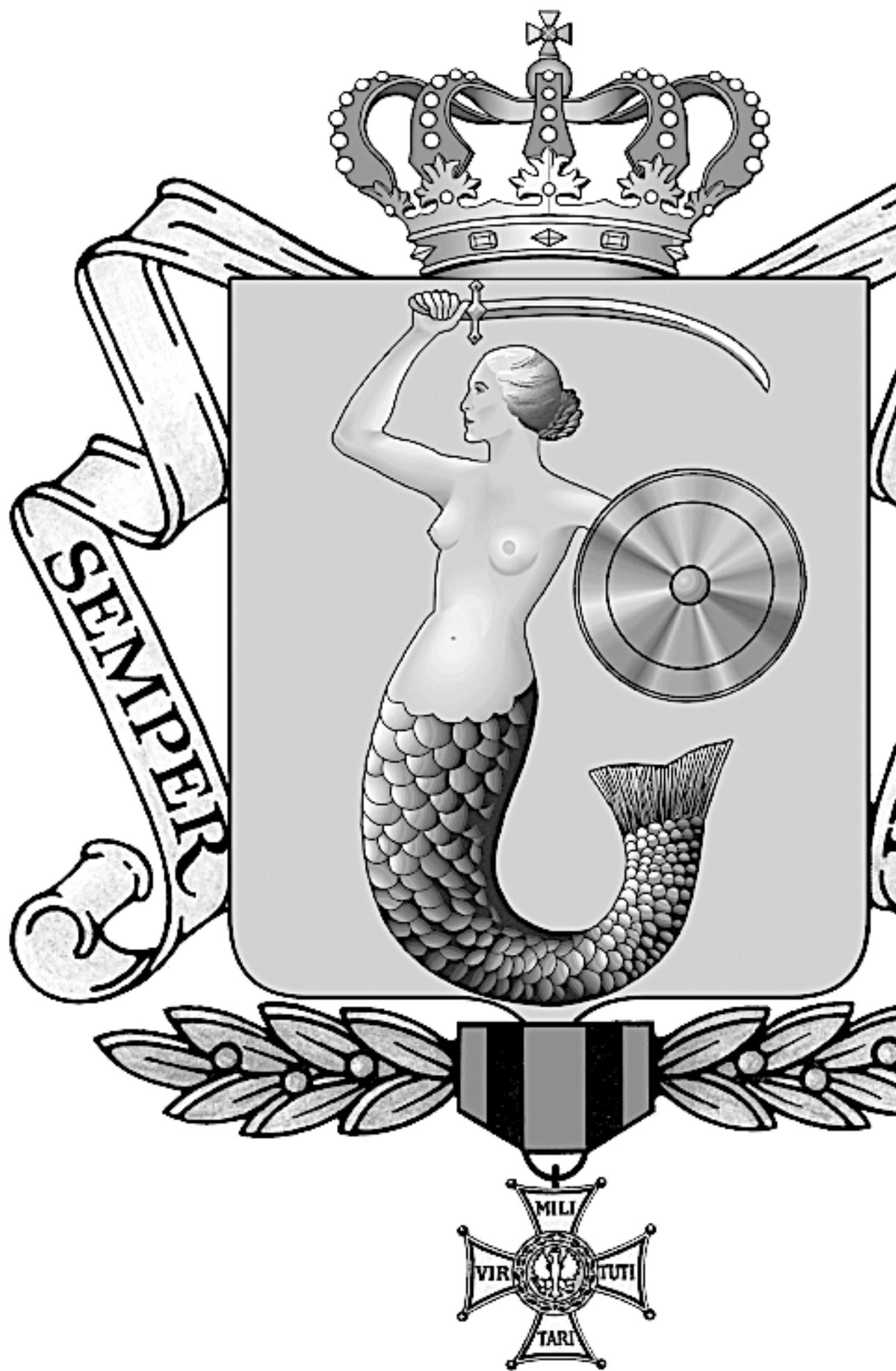
– Говоря простыми словами, «никто не в курсе», да? – Лика хихикнула.

– Типа того, да, – кивнул Андрей. – Рекордно высокий уровень воды в Висле был зафиксирован в 1844 году, тогда вода поднялась почти до девяти метров.

– А там, где наука не даёт точных ответов, всегда появляются легенды и предания, – начал Тимур. – Сегодня вы увидите один из главных символов Варшавы.

– Герб? – уточнил Андрей.

– Так точно. Русалку, – закивал Тим. – Не перебивай, дай расскажу.

Герб Варшавы.

– Молчу-молчу, товарищ начальник, весь внимание, – Андрей подмигнул Лике и уселся поудобнее.

– Нам это кажется довольно странным, ведь Варшава не приморский город. Откуда бы тут быть русалкам?

– Как будто в Мурманске куда ни ступи – сплошные русалки, – не удержался-таки Андрей. Лика прыснула и ткнула коллегу локтем. – Хотя, может, им там холодно просто, да.

Тим только покачал головой и продолжил:

– Но есть пара интересных легенд. По одной из них, та самая русалка заплыла в Вислу из Балтийского моря. И так ей тут понравилось, что она решила остаться. Дамочка, судя по всему, была с характером: путала рыбакам сети и отпускала на свободу пойманную рыбу.

– Мелкая пакостница какая-то, – вставила Лика.

– Не такая уж и мелкая, если учесть, что местные жители жили рыбалкой. Скорее, вредительница и даже паразит, – возразил Андрей.

– Как бы там ни было, от русалки решили избавиться. Но, приблизившись, услышали её пение. Что она пела и о чём – сейчас неизвестно, но вот то, что это были хиты, – понятно. Её песни так понравились местным жителям, что они не стали её наказывать, а только восторгались.

– Клиповое мышление... – протянул Андрей.

– Тсс, дай дослушать, – Лика снова ткнула коллегу локтем, но уже сильнее.

– И вот узнал о таком чуде местный купец. И решил, что будет довольно прибыльно показывать эдакую диковинку за деньги.

– Стартапер, мать его! Молчу-молчу...

– Русалка, она же сирена, – продолжал Тим, – конечно, страдала в неволе. И от безысходности пела. Видимо, ничего другого не умела просто. Услышали её местные рыбаки и освободили от жадного купца.

– Искусство – достояние народа!

– Да ты дашь дослушать уже, нет? – Лика воззрилась на Андрея так, что тот даже отодвинулся от девушки. Чего доброго, схлопочет подзатыльник.

– В благодарность русалка пообещала защищать город со щитом и мечом, в том числе от наводнений. О том, что ей мешало защитить таким образом себя, легенда умалчивает. Но наводнения, кстати, всё ещё случаются. Филонит дамочка. На гербе Варшавы изображение русалки появилось примерно в пятнадцатом веке. Оно, кстати, очень отличается от современной версии – то существо имело драконий хвост, большие лапы, мужскую голову, руки и женскую грудь. Позже чудище начало трансформироваться в женщину с хвостом. И вот – мы видим русалку в привычном нам всем образе.

– Знаете, – подумав, всё же вставил Андрей, – эта вот дамочка в своём первоначальном образе очень мне напоминает казанского Зиланта. С... м-м-м... с крупа.

– А с переда оно тебе кого напоминает? – не удержалась от вопроса Лика.

Андрей покраснел и промолчал.

– Хватит препираться, – скомандовал Тимур. – Берём рюкзаки и пошли. Прибыли!

Они вышли на перрон. Поезд в Берлин уходил только завтра днём, и было принято решение устроить выходной.

– От вокзала каких-то три километра до гостиницы, прогуляемся? – предложил Тимур.

Все закивали. После поезда хотелось пройтись, хотя рюкзаки и оттягивали плечи. Андрей предложил Лике помощь, но та отказалась.

– Нет так нет, – Андрей спокойно принял отказ. – Но если что – я тут.

Лика только улыбнулась в ответ. Тим сделал вид, что очень занят изучением маршрута, и в дела подчинённых не полез. Не дети, сами разберутся.

Шли молча, глазели по сторонам, разминали ноги после долгой поездки.

– А вот и «Бристоль», – Тим указал на нарядное шестиэтажное здание через дорогу.

– Это в нём нас поселить решили? – уточнила Лика. – В самом центре, центрее некуда? За какие такие заслуги?

– Начальству виднее, – Тим некстати вспомнил так и не поставленный им в кабинет кондиционер.

– Шедевр ар-нуво, коллеги, – возвестил Андрей, обводя широким жестом фасад городской достопримечательности.

– Мне страшно, – вдруг призналась Лика. – Даже заходить туда страшно и неудобно. Там наверняка всё такое дорогое и золотом покрыто, а я... – она посмотрела на свои аккуратные, чистые, но не новые кроссовки, – не при параде.

– То есть лезть в подвал за могильными плитами в темноту и бродить с двумя полузнакомыми парнями тебе было не страшно, а сейчас струсил? – совершенно серьёзно спросил Андрей. – Ну памятник архитектуры, ну пять звёзд, что я лично больше ценю в коньяке, чем в отелях, но чего бояться-то? Номера у нас забронированы и оплачены. А уж как, кем и – самое главное! – почему – не наше дело. Наше – работать работу и следовать указаниям руководства. Верно я говорю, Тимур Сергеевич?

Тим только крякнул. Ему и самому было неловко заходить в этот дорогуший отель. Но не показывать же при подчинённых, что и его сомнения прямо-таки обгладывают до костей.

– Всё верно, товарищи бойцы. Медные трубы? Или как там это можно интерпретировать? Должны справиться, – и решительно взялся за тяжёлую медную ручку потемневшей, хотя и тщательно отреставрированной, двери.

Вестибюль был огромен. Мраморный пол и стойка регистрации действительно впечатляли.

– Розовое дерево, – пискнула Лика. – Стойка, говорю, на ресепшен, из розового дерева.

– Ну... Нам туда, – и Тим зашагал по гулкому мраморному полу.

– Добрый день, – девушка на ресепшен в сером, безупречно выглаженном костюме-тройке обратилась к ним по-русски, улыбнулась совершенно искренне и ни разу даже не скользнула взглядом по одежде гостей, – добро пожаловать в «Бристоль». Позвольте ваши документы, я оформлю всё необходимое. Этаж для некурящих, верно? А вы пока можете посетить кафе или наш ресторан «Маркони», там совершенно потрясающие люстры, – обратилась она почему-то лично к Тимуре.

– Люстры? – уточнил Тим.

– Можно просто выпить кофе, пан Иванов, без люстр, – она снова обворожительно улыбнулась.

Все трое отметили, что документы пока не доставали. Спрашивать, откуда в пятизвёздочном отеле Варшавы их знают в лицо, было бы странно. С другой стороны, кто их знает, как должно быть. Лика до сих пор ездила только по Золотому кольцу и два раза на Чёрное море. Тим с Андреем за границей были, но всех обычаев знать нельзя, конечно.

И тут Тимур вдруг ляпнул:

– Я обязательно передам Нине Васильевне, что вы нас приняли по высшему разряду. Спасибо вам большое!

– Ах, ну что вы, – на лице девушки вдруг появилось какое-то странное выражение – смесь благоговения и обожания. – Принять друзей и коллег Нины Васильевны – мой приятный долг и почётная обязанность. Прошу в кафе, – она махнула рукой куда-то вправо. – Рюкзаки можете смело оставить тут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.